

**ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Екатеринбург
РГПУ
2018**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

**ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Сборник научных трудов, посвященный памяти С. З. Гончарова

© ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», 2018

ISBN 978-5-8050-0643-3

Екатеринбург
РГППУ
2018

УДК 37.01(082)

ББК Ч4в04я43

T28

T28 **Творческий** потенциал личности: антропологический аспект [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / под ред. Е. В. Поповой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. 93 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0643-3>.

ISBN 978-5-8050-0643-3

В сборнике научных трудов, посвященном памяти доктора философских наук, профессора С. З. Гончарова, раскрываются продуктивно-творческие силы личности как составные компоненты ее творческого потенциала, определяются человекотворческие возможности образования в его интеллектуальных и духовно-ценностных компонентах (в историческом и современном аспектах).

Предназначен научным работникам и преподавателям сферы профессионально-педагогического образования.

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. К. М. Ольховиков (ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»); д-р филос. наук, проф. Л. М. Андрюхина (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Системные требования: Windows XP/2003; программа для чтения pdf-файлов Adobe Acrobat Reader

Научное издание

Редактор Е. А. Морозова; компьютерная верстка А. В. Кебель

Утверждено постановлением редакционно-издательского совета университета.

Подписано к использованию 25.04.18

Текстовое (символьное) издание (0,85 Мб)

Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

© ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», 2018

Содержание

Предисловие.....	5
Кислов А. Г. О творческом потенциале личности: вспоминая С. З. Гончарова	6
Ведерников А. А. Роль соревнования в воспитании молодежи.....	15
Давыдов О. М. Является ли творчество традиционной ценностью?.....	21
Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Философско-антропологическая специфика художественной антиутопии	26
Капшутарь М. А. Аксиологический потенциал социально-гуманитарного образования для развития личности	31
Красиков В. И. Антропологический смысл радикальной персонализации	38
Логиновских Т. А. Креативность сознания как генетическое основание социальных иллюзий	47
Остапенко Н. Н., Ситяева Л. П. Социальная миссия современного образования: формирование целостности личности в контексте информационных технологий.....	56
Панкратова Л. Э. Формирование эмоциональной культуры у студентов	61
Попов А. Л., Попова Е. В. Информационно-технологическая подготовка как основа компетентности молодого руководителя	65
Попова Н. В. Реализация молодежной политики в производственных коллективах и на промышленных предприятиях: ценностный аспект.....	76
Ронжина Н. В. Теоретические и прикладные проблемы формирования профессионального мышления студентов профессионально-педагогического вуза.....	84
Сведения об авторах	92

Предисловие

Данный сборник научных трудов посвящен светлой памяти доктора философских наук, профессора Сергея Захаровича Гончарова (25.01.1946 – 11.02.2016), который 35 лет проработал в Российском государственном профессионально-педагогическом университете, из них 22 года руководил кафедрой философии, культурологии и искусствоведения.

С. З. Гончаров в 1975 г. окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького, в 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 2007 г. – докторскую, получив ученую степень доктора философских наук. Ученое звание доцента ему было присвоено в 1988 г., а профессора – в 2008 г. В течение 37 лет С. З. Гончаров занимался научно-педагогической деятельностью в высших учебных заведениях. Блестящий педагог, чьи лекции отличались высоким научным уровнем в сочетании с педагогическим мастерством, носили проблемный характер, Сергей Захарович запомнился и студентам, и аспирантам, и преподавателям разных вузов как человек тонкой душевной организации, с широчайшим кругозором, активной жизненной позицией.

В течение долгих лет С. З. Гончаров – крупный ученый, автор более двух сотен научных работ, в том числе десятка монографий, – проводил исследования в области теории мышления, духовно-нравственных основ гуманитарного образования, духовного наследия мыслителя И. А. Ильина. Особое внимание им уделялось творческому потенциалу личности, его антропологическим, гносеологическим и аксиологическим аспектам, вопросам воспитания молодежи на промышленных предприятиях и связям высшего образования с экономикой страны. Результаты этой работы были внедрены в учебный процесс, а также использовались при разработке Концепции развития РГППУ, Концепции воспитания в РГППУ. Научная работа С. З. Гончарова по исследованию духовно-нравственных основ образования была поддержана Министерством образования России: государственным заказом (1996–1997 гг.), грантом (1998–2004 гг.) и государственным заказом (2011–2012 гг.).

Сборник открывается статьей доктора философских наук, профессора А. Г. Кислова, посвященной непосредственно С. З. Гончарову, последующие статьи раскрывают различные аспекты перечисленных выше направлений научных исследований С. З. Гончарова.

Научный редактор Е. В. Попова

А. Г. Кислов

A. G. Kislov

ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», Екатеринбург
Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

**О ТВОРЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛИЧНОСТИ:
ВСПОМИНАЯ С. З. ГОНЧАРОВА**

**ABOUT THE CREATIVE POTENTIAL OF THE INDIVIDUAL:
REMEMBERING S. Z. GONCHAROV**

***Аннотация.** Рассматриваются важнейшие идеи творческого наследия видного екатеринбургского философа, доктора философских наук, профессора, многие годы заведующего кафедрой философии, культурологии и искусствоведения Российского государственного профессионально-педагогического университета, Сергея Захаровича Гончарова (25.01.1946–11.02.2016). Цель – дать первый обзор идей С. З. Гончарова в контексте его биографии. Предлагается квалификация его мировоззрения как современной версии платонизма, вобравшей в себя две чрезвычайно значимые для России традиции: во-первых, от Платона через Гегеля к К. Марксу и Э. Ильенкову, а во-вторых, от Платона через Гегеля к И. Ильину и православному святоотеческому наследию. Отмечается плодотворность актуализации работ С. З. Гончарова.*

***Abstract.** The main ideas of the creative heritage of the prominent Ekaterinburg philosopher, doctor of philosophical Sciences, Professor, the head of Department of Philosophy, Culturology and Art history of Russian state vocational-pedagogical University for many years, Sergey Zakharovich Goncharov (25.01.1946 – 11.02.2016) are considered. The aim of the article is to give a first overview of S. Z. Goncharov's ideas in the context of his biography. Qualification of his world outlook as a modern version of Platonism, which incorporates two extremely important for the Russian tradition: first, from Plato through Hegel to K. Marx and E. Ilienkov, and secondly, from Plato through Hegel to I. Ilyin and the orthodox of the patristic heritage is suggested. It is noted the fruitfulness of the actualization of S. Z. Goncharov's works.*

***Ключевые слова:** человек, субъектность, творчество, философствование, совершенство, культура, труд, капитал.*

***Keywords:** human, subjectivity, creativity, philosophizing, perfection, culture, labour, capital.*

Сократ в «Федоне» Платона признает: «Высочайшее из искусств – это философия, а ею-то я и занимался... Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле одним – умиранием и смертью» [6, с. 10–11, 14]. С. З. Гончаров это не просто знал, он и был философом, жил, занимаясь (маясь?!) умиранием. К тому же он был платоником. Правда, прямой вопрос об этом я ему так и не задал. Не потому, что не успел. Ответ для меня был очевидным. Возможно, он бы и не согласился. Он часто не соглашался. Поправил бы, уточнил. А я бы, скорее всего, не согласился с его поправками... Только он больше не поправит. Теперь можно лишь домысливать за него.

За месяц до смерти он, полушутя, полуплача сквозь смех, такой для него естественный – по крайней мере среди нас, товарищей по службе, – обращался к нам, своим друзьям-коллегам: «Неужели мне 70 лет?!»... И принимался над этим хохотать и как бы горестно покачивать головой... Ему явно нравилось, что он дошел до этой даты. И еще он удивлялся, что уже дошел: как-то очень уж быстро получилось! И вряд ли сомневался, как и мы, с удовольствием разделявшие это его событие, что «протянет», и еще столько, сколько другим в зависть будет!

Но... «человек предполагает...»... А Бог, в которого он верил, располагает.

А Сергей Захарович хотел людям праздника. Так он потом объяснял всю эту подготовительную суету к празднованию юбилея. Любил человек симпозионы! В прямом древнегреческом значении этого слова. Не болтовню и не возлияния, а общение – неспешное и содержательное! Вкус к нему имел. Другие – вот кто ему был интересен. Темперамент же требовал аудитории. И он получал ее. Иногда казалось, что не важно, какая это аудитория... Он ее «брал»! Почти всегда. Был от того самоуверен иногда... И не без оснований. Всего ему хватало, чтобы аудиторию «взять», особенно азарта. Было в этом что-то спортивное – не зря в молодости боксом занимался. «Брал» он и читателя. К счастью, немало после себя оставил читателей. «Брал» собеседников – речь его всегда была легкой, даже летящей. Вот уж кто за словом в карман не лез! Потому что долго, задолго и тщательно продуманы его слова, на многие случаи были уже отчеканены, ведь раздумья в уединенье – это тоже значительная часть его жизни. Пожалуй, самая значительная. При всей его социальной активности, даже неуемности. Но и она не прерывала раздумий. Они делали его мудрее многого им же провозглашаемого, отстаиваемого. Потому он не только отстаивал,

но и оставлял пространство собеседникам для иных размышлений, не совпадающих с его мыслями. Бережно относился к своеобразию и многообразию. С радостью подмечал их ростки в том, что читал у других, кого рецензировал, кому оппонировал. А для тех, кем руководил, старался создать все условия для их роста такими, какие есть и какими могут быть, поскольку был убежден: «Люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, со своей родовой культурно-исторической сущностью; поэтому они – “самоустремленные” существа» [2, с. 99]. Самоустремленность каждого С. З. Гончаров глубоко уважал, поддерживал, провоцировал, потому что больше всего эти качества и ценил в людях. И был увлекающимся, но не навязчивым. Не обременял, а лишь призывал, многих увлекая, заражая и заряжая своей энергией, веселостью до озорства, органично соединенной с глубочайшей серьезностью проблем, над которыми он всю жизнь размышлял. Все их не перечислить, но стоит назвать некоторые, наверное, самые для него важные: человек, его субъектность, ее основания, творчество, общество, община, семья, Церковь, Бог, Родина, нравственность, красота, совершенство, культура, труд, капитал... – этого вполне достаточно для любого крупного мыслителя...

Многое в его мировоззрении замешано на опыте жизни и труда в пору его молодости в условиях советского «почтового ящика» (ЗАО), где были сконцентрированы коллективный интеллект, серьезные государственные задачи, привилегированность в части организации производства, быта, снабжения. Потому одной из первых его исследовательских тем стало социалистическое соревнование, которое он до последнего дня ставил выше капиталистической конкуренции, поскольку соцсоревнование маркирует, но не подавляет, оно гуманно, не беспощадно: «Надо выпрыгнуть из клетки буржуазно-стоимостной ментальности: труд, а не капитал призван стать властелином, ибо капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата; значит, труд должен управлять капиталом; накопление капитала есть средство для накопления культуры, креативной емкости человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а экономику – с нравственностью» [2, с. 103].

Конечно, первой и прошедшей через всю жизнь его любовью был марксизм – не в официальном, высушенном идеологическом варианте, а живой, вплетенный в биографии основоположников, чьи не только научные и публицистические труды он обильно на память цитировал, но и письма, вос-

поминания о них. К. Маркс и Ф. Энгельс были для него веселыми и очень разными гениями, чья трогательная дружба служила ему примером человеческих отношений, пример этот он старался воплощать и в своей жизни. И находил отклик среди многих товарищей своих. Некоторые из них пережили его...

Объемному, живому восприятию марксизма способствовало увлечение С. З. Гончарова публикациями, а затем и личное знакомство с выдающимся отечественным мыслителем-марксистом XX в. Э. В. Ильенковым, его единомышленниками, учениками, связь с которыми продолжалась также до последнего дня: Сергей Захарович готовил регулярные международные конференции памяти Э. В. Ильенкова «Ильенковские чтения», выступал на них, вовлекал в них своих земляков. Первый раз С. З. Гончарова автор этой статьи и увидел как пропагандиста ильенковского варианта прочтения марксистского наследия. В те времена этот вариант не сильно одобрялся. Скорее, глухо, но настороженно признавался как талантливый и (потому?) небезопасный. А С. З. Гончаров им открыто и обоснованно восхищался, что сразу же получало отклик, особенно у молодых, прежде всего студентов-философов. Рядом с именем Э. В. Ильенкова он ставил имена Г. С. Батищева, В. С. Библиера, К. Н. Любутина, Д. В. Пивоварова, Ф. Т. Михайлова и др. [2].

Одна из важнейших идей марксизма – труд. Ему как истоку, основе и цели человеческой субъектности уделяется в марксизме приоритетное внимание. И совершенно органично для С. З. Гончарова было оказаться и долгие годы, до последнего дня, оставаться в вузе, который готовил педагогов профессионального образования. Тема труда здесь не могла не быть важнейшей. С. З. Гончаров нес ее буквально как знамя, убедительно показывая небанальность труда, его метафизическую, трансцендентную составляющие и его поэзию. «Труд, в его научном понимании, есть процесс, в котором человек своей деятельностью регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Труд есть целенаправленная деятельность по созданию материальных и духовных благ, вечное условие человеческой жизни, абсолютная необходимость для всех форм общества в истории. Труд, с одной стороны, созидает мир общественного богатства, а с другой – социализирует человека, развивает его продуктивно-творческие силы, социальные чувства, возвышает горизонт сознания до понимания сверхиндивидуальных потребностей и целей коллектива, государства, страны в целом. Труд вместе с тем производит и общественные отношения. Однако в современной России ценность добросовестного созидательного труда

вытеснена из общественного сознания установками на прибыль любой ценой (максимум прибыли, минимум совести), на развлечение и праздность. Мотив значительной части молодежи – “поменьше труда, побольше денег и наслаждений здесь и теперь”. Жажда легких денег затмила энтузиазм наукоемкого, производительного труда» [8, с. 5]. Так естественно переплетались в его творчестве наука и практическая злоба дня. Он был одновременно и академичным человеком, и страстным трибуном, и активным воспитателем.

«В рамках общества в целом добросовестный созидательный труд есть самая надежная основа признания заслуг, взаимного понимания, уважения, преемственности поколений, социальной справедливости, добровольной солидарности и коллективности, взаимопомощи и самоотверженности в общем деле. Отношение к добросовестному созидательному труду – критерий нравственного здоровья народа и государства. Применительно к человеку добросовестный созидательный труд порождает новые способности и умения, субъектные качества, самостоятельность, предметное мышление, открывает возможности глубинного общения по поводу творения общинтересной и полезной новизны, развивает самодеятельность, самоорганизацию и самоуправление личности, пробуждает у нее стремление выйти за рамки уже достигнутого к новым возможностям самореализации и новым созидательным смыслам. Созидание инициирует. В труде человек обретает надежных друзей и товарищей, а труд служит мерилom как общественной значимости личности, так и самооценки личностью своего жизненного пути. В целом добросовестный созидательный культуроемкий труд по своей природе объективно направлен на сокращение рабочего времени для увеличения доли свободного времени как пространства развития целостной самодеятельной личности. Такая тенденция труда будет поддержана тружениками и послужит, вне всякого сомнения, могучим мотивом в их профессиональной деятельности в поисках обновления ресурсов и технологий» [8, с. 6]. Метафизика труда не могла не продолжаться для С. З. Гончарова в социальной, в том числе политической активности и ответственности человека. Он являл собой пример равнодушного к прошлому, настоящему и будущему гражданина, патриота.

И здесь более чем уместно назвать еще одно имя – человека, сыгравшего в философской судьбе С. З. Гончарова колоссальную роль. Колоссален и сам этот мыслитель – И. А. Ильин, чье наследие вернулось на Родину в начале 1990-х. С. З. Гончаров, как и многие другие, нашел в текстах этого

философа ответы на мучившие его вопросы. С. З. Гончаров стал без преувеличения певцом И. А. Ильина. Благодаря И. А. Ильину С. З. Гончаров нашел в собственной картине мира место Православию, Русской Церкви, Русской Культуре. Русский Путь приобрел для него вселенский смысл, объединивший, вобравший в себя и творческий, озорной марксизм, и мрачную, жесткую сталинскую версию его воплощения, и надежды на Россию Совершенную... И именно так высоко ценимый С. З. Гончаровым «субъектный принцип позволил И. А. Ильину избежать как растворения человека в божественном начале, так и утилитарной прагматичности протестантизма в раскрытии человеческого и божественного. Философ вознес этот принцип на ту достойную духовную высоту, с позиций которой можно и нужно успешно решать назревшие задачи российского общества» [2, с. 100].

Всеединство это стало возможным, поскольку и ильенковский вариант марксизма, и ильинский вариант православия очень сильно замешаны на гегелевской, восходящей к Платону, диалектике, а через нее – к античному, архаическому космизму, космоцентризму, выраженному Гегелем в категории тотальности, где целое важнее частей, коллективное – индивидуального, соборное – сольного, где абсолютны иерархия и субординация, а анархия и координация – это отклонения, извращения или второстепенные, относительные дополнения.

Для С. З. Гончарова и многообразие культуры связано с неким *человеческим инвариантом* – с такими всеобщими измерениями, благодаря которым представители различных национальностей и этносов понимают не только друг друга, но и творения далеких времен... Предельной и верховной ценностной категорией со времен Античности является *совершенство*, доступное нам, людям, как такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. Любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию, причем не только стремление, но и осуществление такого содержания есть дух. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности» [4, с. 56], – утверждал И. А. Ильин. «Совершенство – вот тот инвариант, который присущ различным национальным культурам и составляет их общечеловеческое содержание. Культура в высшем своем выражении общечеловечна по содержанию и национальна по своей форме. Можно затрудняться в понимании национальных форм культуры тех или иных народов, но пульсацию в таких формах

всеобщего человеческого содержания (устремлений к совершенству через борения и соблазны) невозможно не принимать сердцем, т. е. сосредоточием духовных чувств, которые возникают не от физического воздействия, а от переживаний значений (радости, уважения, презрения)» [1, с. 77–78].

Конечно, трудно согласиться, что культуры разнятся только по форме. Глубинные ценностные, т. е. содержательные различия являются главной причиной и их формального многообразия. Но С. З. Гончарова вдохновляла мысль о Совершенстве, едином – надприродном – происхождении человека, человечества. «Совершенство и три его лика – истина, добро, красота – составляют “осевое” содержание ценностного сознания от Античности до наших дней. “Смысл подлинного человеческого бытия, – утверждал И. Я. Лойфман (один из наших с ним учителей), – оформляется как Истина, Добро и Красота” [5, с. 41]. Только на этом пути философия “становится мудростью”. Совершенство преломляется разумом как истина (т. е. соответствие должному совершенству), волей – как добро, а созерцанием – как красота. Поэтому истина, добро и красота – “вечные лики культуры”, “высшие ценности”, исполняющие “эталонную функцию”. Каждый из этих “ликов” порождается соответствующими творческими силами. Разум, добрая воля, эстетическое созерцание творят науку, нравственность и искусство» [1, с. 79–80]. Даже не соглашаясь с некоторыми его суждениями, трудно устоять от заразительного пафоса, идущего от включенности С. З. Гончарова в тысячелетние традиции философствования.

Вызывает, например, возражения и такая дефиниция: «Нравственность есть отношения между людьми по поводу... равноценности их достоинства» [1, с. 81], – и потому что категория достоинства человека намного моложе древних вариантов нравственности, и потому что в современном мире активно действуют варианты нравственности, где эта категория играет периферийную роль. Но С. З. Гончаров потому и был по исходным своим интуициям платоником, что допускал финальный синтез в Совершенстве, Свершенности, Которая мыслилась им как Бог, и он, как и очень многие, считал это мировоззрение христианством.

С другой стороны, С. З. Гончаров бесспорно признавал, что «за философскими “онтологиями” всегда скрывается тот или иной образ жизни людей» [2, с. 96], а образ жизни переменчив. Переменчивы и теоретические построения философов. Так, «программную идею Гегеля – выразить истинное не только как субстанцию, но и как субъект – Маркс, как и его

последователь В. И. Ленин, реализовали в теоретической и практической деятельности. Эта идея означает, что люди не преклоняются перед объективными обстоятельствами, которые они сами и создают, но превращают обстоятельства в органы своей собственной коллективной воли и направляют события согласно своим целям и ценностям. Люди это делают, но не всегда осознают. Программная идея Гегеля ясно выражена в знаменитом положении Ленина о том, что политика не может не первенствовать над экономикой. Иначе выражаясь, всадник не может не первенствовать над лошадью, хотя без лошади он никуда не ускачет. Когда ряд авторов усматривают в данном положении Ленина противоречие с теорией Маркса, то невольно вспоминается запись первого о том, что 99,9 % большевиков не поняли последнего потому, что не усвоили диалектику Гегеля» [2, с. 96–97].

Не теоретические построения сами по себе были дороги С. З. Гончарову, хотя он находил и понимал в них и вкус, и толк. Главной оставалась практико-ориентированная мечта, чтобы «материальное производство стало лишь средством культивирования целостных и самостоятельных индивидов на основе фундаментализации образования и расцвета культуры. Накопление капиталов превращается в средство накопления культуры и роста креативности лиц» [2, с. 93]. И еще: «Как опредмеченный труд произведен от труда живого, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в креативно-антропогенную сферу – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Экономическая сфера общества – не самоцель, а основание для развития социальной сферы, в рамках которой творится культурное воспроизводство поколений, т. е. социальная сфера есть “то, ради чего”, ибо самоцелью для людей выступают сами люди, взятые в их взаимных отношениях. Кризисное состояние современной экономики сигнализирует об одном – пора экономике обрести свою истинную цель, чтобы перестать быть “самоедской экономикой”, потребляющей природные и человеческие ресурсы ради прироста капитала любой ценой.

Принцип субъектности обязывает изменить соотношения: производство средств жизни должно стать лишь средством для культурного производства целостного человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а экономику и политику – с нравственностью. Необходимо транс-

формировать установку общественного производства в целом: накопление капиталов – средство накопления культуры; не увеличение рабочего времени для роста капитала, а уменьшение этого времени для увеличения пространства духовно-культурного возрастания каждой личности» [2, с. 101–102].

Такая философия далеко не только «искусство умирания», она – наука жизни. И как все в жизни, философия дискуссионна, многообразна, а интерес ее сосредоточен, как вполне определенно подметил И. Кант, в вопросе «Что есть человек?». А вот ответ на него С. З. Гончарова: «По составу своего организма человек, конечно, образован на все 100 процентов из природного материала, из остывшей звездной пыли. Но сущность его на 100 процентов сверхприродна. Замечательный советский философ Эвальд Васильевич Ильенков, автор классической теории идеального, писал: “Что же касается понятия “человек” в подлинном смысле слова, то его “определенность” заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. <...> Разумеется, будучи в принципе, в “сущности” универсальным, реально-эмпирически любой человек – не универсальное, а определенное (т. е. “ограниченное”) существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, “оединиченная всеобщность”. Или “всеобщая индивидуальность”, личность, что одно и то же” [3, с. 290]. Задача, следовательно, состоит в приведении в соответствие жизнеустройства людей с универсальными возможностями каждого из них. Целостное развитие индивидуальности – таков ясный и понятный критерий эффективности и для экономики, и для всей системы образования, от детсада и школы до вуза. ”Общество стало уже достаточно богатым, чтобы позволить себе развивать свою культуру не за счет превращения индивида в профессионально ограниченного, “частичного” человека, а за счет максимально полного развертывания всех возможностей, заложенных в нем природой” [3, с. 291]. Реализация универсальной сущности человека связана с автоматизированной техносферой и с формами отношений, просторных для самодеятельности людей. Это объективная предпосылка. Субъективной же предпосылкой являются субъектные качества людей, духовно-нравственный уровень их самосознания» [2, с. 106].

Нужно изучать наследие С. З. Гончарова, чтобы приобщиться к его мудрости, культуре, к креативному потенциалу его личности, чтобы соглашаться и спорить, благодаря его за прожитую им жизнь, за несмирение со смертью, которая побеждает единичное, но пасует перед универсальным, убедительную причастность к которому продемонстрировал С. З. Гончаров.

Список литературы

1. Гончаров С. З. Культура – креативная основа образования / С. З. Гончаров // Образование и наука. 2014. № 2 (111). С. 73–84.
2. Гончаров С. З. Россия нуждается в субъектной философии образования / С. З. Гончаров // Образование и наука. 2012. № 6 (95). С. 93–106.
3. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1968. 312 с.
4. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 томах / И. А. Ильин. Москва: Русская книга, 1993. Т. 1. 496 с.
5. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии: избранные работы / И. Я. Лойфман. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 100 с.
6. Платон. Федон / Платон // Собрание сочинений: в 4 томах / Платон. Москва: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7–80.
8. Труд и образование на пути к креативному обществу: монография / С. З. Гончаров [и др.]; под ред. С. З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 445 с.

УДК 13:316

А. А. Ведерников

A. A. Vedernikov

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург*

*The Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg*

РОЛЬ СОРЕВНОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

THE ROLE OF COMPETITION IN RAISING THE YOUNG

Аннотация. Рассматриваются вопросы влияния соревнования на воспитание молодежи. Автор, опираясь на работы С. З. Гончарова, анализирует понятия «соревнование», «соревновательность» и «социальная активность», взаимосвязь между соревновательностью и социальной активностью молодежи в ходе реализации молодежной политики, прослеживает формирование норм поведения молодежи в процессе реализации молодежных проектов и программ в Невьянском городском округе Свердловской области.

Abstract. *The article is devoted to the impact of competition on the education of youth. The author, building on work of Goncharov S. Z., analyzes the concept of «competition», «competitiveness» and «social activity», considers the relationship between competition and social activity of youth in the implementation of youth policy, traces the formation of norms of behavior of youth in the process of implementation of youth projects and programs in Nevyansk urban district of the Sverdlovsk region.*

Ключевые слова: *соревнование, соревновательность, социальная активность, молодежь, молодежная политика, воспитание.*

Keywords: *competition, competitiveness, social activity, youth, youth policy, education.*

Молодежь – это будущее нашего общества. Правомерно выделение в социальной стратификации работающей, учащейся и неработающей молодежи [8]. У каждой из этих больших групп свои проблемы, которые нужно решать, поэтому вслед за Ю. Р. Вишневым мы считаем, что современная молодежь «не хуже и не лучше предыдущей» [8, с. 249]. Поскольку молодые люди находятся в стадии становления, то молодежная политика должна быть направлена на формирование духовно-нравственных и субъектных качеств молодежи, воспитание гражданственности и патриотизма, что неразрывно связано с воспитанием социальной активности. Приоритетным направлением государственной молодежной политики на муниципальном, региональном и федеральном уровне является развитие социальной активности молодежи, гражданского самосознания через участие в молодежных и детских общественных объединениях, молодежных парламентах, правительствах [3]. Определение направлений, форм и методов работы с молодежью находится в прямой зависимости от знания и понимания возрастных, психологических и социокультурных особенностей данной социальной группы, ее проблем и основных тенденций развития в современных условиях [5, с. 65]. Основными компонентами социальной активности являются самостоятельность, ответственность и инициативность личности в достижении общественно значимых целей. Воспитанию именно таких качеств способствуют все формы и виды соревнований в молодежной среде. Развитию теоретических и прикладных аспектов соревновательности и всех видов соревнований посвящены работы ряда российских ученых. Неоценимый вклад в развитие вышеназванной проблематики внес С. З. Гончаров, рассматривавший данное явление многоаспектно.

Вслед за С. З. Гончаровым и Н. В. Поповой мы считаем необходимым выделение социального аспекта соревнования, его мотивирующей и стимулирующей функций [2]. Соревновательность – фактор развития личности. Через соревнование формируется собственное представление о своих возможностях, человек самоутверждается, приобретает уверенность в своих силах, учится рисковать, получает опыт «разумного авантюризма». Соревнование – форма деятельности (работы, игры и т. п.), при которой участвующие стремятся превзойти друг друга в мастерстве, искусстве. Это метод мобилизации трудовой и творческой активности личности. «Объективными предпосылками соревнования служат потребности, интересы личности и общества, экономические, политические отношения. Эти предпосылки, становясь потребностями, целями, интересами, принятыми, усвоенными, переживаемыми личностью, превращаются в субъективные факторы соревнования – одну из главных форм социальной, производственной и социально-психологической активности работников» [9, с. 47]. Соревнование – абсолютная форма деятельности человека, которая побуждает его к интенсивной самореализации. «Глубинным мотивом самореализации личности является потребность утвердить себя в сознании других людей достойным образом, т. е. быть признанным окружающими. Этот мотив является значимым для большинства, отсюда и возникает сущностное противоречие, основанное на борьбе за общественное признание своей социальной значимости» [11, с. 127]. Через соревнование возможно развитие творческого потенциала личности. Это напряжение всех способностей, стремление выйти за пределы уже достигнутого. «В основе соревнования – сравнение способностей, умений, навыков одних людей с другими. Мерой оценки одного человека, как правило, выступает другой. Предметом оценки выступают человеческие качества, знания, умения, навыки. Причем каждый идеально полагает себя равным с другим по возможностям либо выше его, что дает возможность личности вступить в борьбу и опередить себе равного. Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие с самим собой, стимулируя саморазвитие личности» [9, с. 47–48].

Соревнование оказывает большое влияние на формирование профессиональных, деловых и личностных качеств молодежи [8]. Необходимо отме-

титель и мотивирующую силу соревнования. Роль соревнования в повышении силы мотива наиболее отчетливо проявляется в спорте. Физическая культура и спорт в Свердловской области с каждым годом приобретают «все большую социальную значимость и являются не только эффективным средством физического развития человека, но и сферой общения и проявления социальной активности людей» [4, с. 4]. Исследования, проведенные группой уральских ученых в 2014 г., также показали, что соревнования в молодежной среде востребованы в разных сферах деятельности, в том числе и на производстве [5, с. 345]. Участие в экономических, культурно-массовых, научно-технических, спортивных соревнованиях формирует такие качества у молодых людей, которые способствуют их социализации и адаптации в окружающей среде. Воспитание таких качеств, на наш взгляд, задача не только учебных заведений и трудовых коллективов, но и общественных молодежных организаций и объединений, поскольку именно в процессе социализации идет усвоение норм поведения и деятельности, «норма же является правилом, которое регулирует поведение или деятельность» [6, с. 10].

Центр молодежной политики Невьянского городского округа (далее – Центр) реализует социальные проекты и программы, направленные на воспитание молодежи. Целями деятельности Центра являются удовлетворение культурно-досуговых интересов детей, подростков и молодежи в свободное время, формирование и развитие творческой социально активной и законопослушной личности. Центр ежегодно разрабатывает и проводит мероприятия по таким направлениям, как реализация программы «Молодежь Невьянского городского округа, патриотическое воспитание граждан и подготовка молодежи к военной службе, профилактика асоциальных явлений среди несовершеннолетних и защита их прав. Значимость этих мероприятий для воспитания молодежи невозможно переоценить. Вместе с тем представляется необходимым отметить конкурсы, направленные на формирование гражданской и патриотической позиции молодежи. Это конкурс среди образовательных учреждений Невьянского городского округа, посвященный 70-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., «Зеленый венок памяти». Цель конкурса – создание условий для развития патриотического воспитания подростков и молодежи Невьянского городского округа путем активизации познавательной деятельности. Релизации этой цели способствует решение следующих задач: мотивация специали-

стов школьного и дошкольного образования, педагогов дополнительного образования, специалистов по работе с молодежью, связанной с организацией патриотического образования и воспитания детей, подростков и молодежи; сохранение и передача подрастающему поколению информации о ратных и трудовых подвигах земляков; углубление знаний об историческом, культурном, общественном значении памятников защитникам Отечества, расположенных на территории Невьянского городского округа; развитие социального партнерства между различными образовательными заведениями всех типов и видов, общественными организациями. Центр проводит следующие мероприятия: конкурс краеведческих проектов «Зеленый веночек памяти», конкурс исследовательских проектов в рамках конкурса «Каменный пояс». Утверждены такие номинации, как конкурс слайд-фильмов «Дорога памяти», конкурс рисунков «Памятники воинской славы на Невьянской карте», конкурс стихов, сочинений, эссе «Есть память вечная...», конкурс фотоальбомов из старых фото «Война в истории моей семьи», викторина «Венок славы», неделя памяти «И пусть поколения помнят!», субботник «Акция памяти», майская прогулка «По местам памяти...».

Для воспитания молодежи очень важно приобщение к общечеловеческим и национальным ценностям, а «путь к единению народов лежит через культуру в первую очередь» [1, с. 136]. Центр проводит для молодежи разные виды соревнований, в том числе культурно-массовые, например, фестиваль-закрытие школьной лиги КВН «Золотой резерв». Цель фестиваля – создание условий для раскрытия творческой активности, личностного и интеллектуального потенциала подростков и молодежи. Задачами фестиваля являются популяризация игры КВН как одного из видов творческой деятельности молодежи, развитие интеллектуальных молодежных игр, создание благоприятных условий для проявления творческого потенциала молодежи и студентов, организация их содержательного досуга, проведение творческих молодежных акций и долгосрочных программ творческой молодежи, создание телевизионных интеллектуальных, развлекательных и игровых программ с привлечением молодежи, пропаганда творчества самобытных молодежных коллективов.

Соревнования как гражданско-патриотической, так и творческой направленности способствуют воспитанию молодежи, ее личностному росту, поскольку «соревнование выступает как ничем не заменимый фактор раз-

вития субъектных, духовных, нравственных и профессиональных качеств молодых людей... создает следующие предпосылки личностного развития молодежи: самоизмерение социальности через состязательность лиц; пробуждение всех скрытых резервов и возможностей» [7, с. 9].

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что молодежные общественные организации и объединения способны внести свой незаменимый вклад в воспитание современной молодежи, используя лично развивающий потенциал всех видов соревнований в ходе реализации молодежной политики.

Список литературы

1. *Гончаров С. З.* Общечеловеческое и национальное в культуре – потенциал духовной солидарности / С. З. Гончаров, Н. В. Попова // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2009. № 1 (17). С. 131–137.

2. *Гончаров С. З.* Соревнование – креативный аспект управления молодежным коллективом на промышленном предприятии / С. З. Гончаров, Н. В. Попова // *Человек. Культура. Управление: сборник научных статей* / отв. ред. И. А. Кох. Екатеринбург: Изд-во УГТУ–УПИ, 2012. Вып. 12. С. 90–111.

3. *Основы* государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.

4. *Отношение* жителей Свердловской области к физической культуре и спорту: итоги социологического мониторинга / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2013. 324 с.

5. *Положение* молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2015. 350 с.

6. *Попова Е. В.* Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: автореферат диссертации ... кандидата философских наук / Е. В. Попова. Омск, 2005. 20 с.

7. *Попова Н. В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии: диссертация ... кандидата философских наук / Н. В. Попова. Челябинск, 2012. 195 с.

8. *Попова Н. В.* Мотивация и соревнование как акмеологические факторы воспитания молодого работника / Н. В. Попова // *Ценностные*

и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности: материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции, 10–11 дек. 2008 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. С. 517–534.

9. *Попова Н. В.* Соревнование как эффективная форма развития креативного потенциала лиц и коллективов на промышленном предприятии / Н. В. Попова, С. З. Гончаров // АПК: регионы России. 2012. № 12. С. 46–53.

10. *Социология молодежи: учебник* / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург: Изд-во УГТУ–УПИ, 2006. 430 с.

11. *Труд и образование на пути к креативному обществу: монография* / С. З. Гончаров [и др.]; под ред. С. З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 445 с.

УДК 123.1, 124.4

О. М. Давыдов

O. M. Davydov

*ЦПРО «Челябинская епархия РПЦ», г. Челябинск
Chelyabinsk Diocese of Russian Orthodox Church, Chelyabinsk*

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТВОРЧЕСТВО ТРАДИЦИОННОЙ ЦЕННОСТЬЮ?

DOES CREATIVITY BELONG TO TRADITIONAL VALUES?

Аннотация. Различные определения традиции могут включать понятие творчества или игнорировать его как вторичное. Сопоставление позиций Н. А. Бердяева и И. А. Ильина побуждает интерпретировать творчество как трагедию и свободу. В обществе постмодерна традиция неизбежно становится частью коллажа, однако сохраняет возможность быть личной трагедией индивида.

Abstract. Different definitions of tradition may include the concept of creativity or ignore it as unimportant. Comparing opinions of N. A. Berdyaev and I. A. Ilyin we reduce the problem to attraction of freedom and tragedy. Even as a part of postmodern collage, tradition keeps a possibility to be a personal tragedy of an individual.

Ключевые слова: традиция, свобода, творчество, трагедия.

Keywords: tradition: freedom, creativity, tragedy.

Концепт «традиционные ценности» стал сегодня неотъемлемой частью публичного дискурса в России. Это выражение можно услышать из уст политика, чиновника, маркетолога и даже обычного обывателя-телезрителя. Многие россияне эмоционально готовы встать на защиту традиционных ценностей от воинствующего секуляризма, условно ассоциируемого с Западом. Однако если попросить обывателя уточнить, что именно входит в понятие «традиционные ценности», он, скорее всего, скажет: «семья», «сильное (авторитарное) государство», может быть, «монархия». Но эти формы социальной организации – следствие, вернее, форма реализации ценностей, а не ценности сами по себе. Поэтому проблема уточнения понятия «традиционные ценности» становится все более актуальной. Является ли традиционной ценностью творческая деятельность человека? По принципу, «все что хорошо, то и традиция», наверное, да, однако более серьезный подход к проблеме невозможен без определения традиции.

Давая определение традиции, можно выделить два крайне полярных подхода. Первый подход условно можно назвать магическим. Он характерен для европейских мыслителей, называющих себя традиционалистами, таких как Р. Генон, Ю. Эвола, Ф. Шуон [4, 5]. Некоторые из них получили печальную славу и известны как теоретики итальянского фашизма, другие – как оккультисты или европейские «суфии». В рамках этого подхода считается, что достаточно воспроизведения некоего «кода традиции» – совокупности культурных и социальных условий, действовавших в историческом традиционном обществе, для того чтобы это общество возродилось. По сути это напоминает произнесение магического заклинания, управляющего неведомой силой и гарантирующего результат.

В этом же контексте нередко звучит слово «архаика», вошедшее в российский лексикон благодаря А. Г. Дугину. Всю «архаику» воспроизвести невозможно: бессмысленно пересаживаться из автомобилей в конные повозки, отказываться от современных лекарств или Интернета. Задача в том, чтобы выделить существенные для традиции символы и ритуалы.

Другой подход можно условно назвать цивилизационным. Поскольку концепция А. Тойнби фактически стала общепринятой, он в большей мере укладывается в современный интеллектуальный мейнстрим. В рамках этого подхода традиция – естественная часть культуры. Традицию не нужно возрождать, она просто существует в ядре такой же неповторимой ци-

визации. Разным цивилизациям соответствуют разные традиции. Кстати, сам А. Тойнби в труде, переведенном на русский язык как «Изменения и традиция», использует в качестве термина не *tradition*, а *habit* – в дословном переводе «привычка», тем самым лишая понятие традиции какой бы то ни было тени сакральности.

Парадоксальным образом оба подхода не способствуют раскрытию понятия традиции. И в том, и в другом случае понятие традиции, во-первых, вторично (по отношению к архаике или цивилизации), а во-вторых, остается «вещью в себе». Традиция существует, она является компонентом, необходимым для существования цивилизации. Но каково ее содержание?

Проблема усугубляется еще и современным состоянием постмодерна. Конечно, сам по себе постмодерн всего лишь метафора для описания социальных культурных процессов. Однако реализуется он в двух вполне конкретных проявлениях. Во-первых, современное общество является информационным и одновременно потребительским. Для того, чтобы приготовить «архаическое зелье» (при «магическом» восприятии традиционного общества), не обязательно ехать за его компонентами в архивы европейских университетов. Потребителя вполне удовлетворит то, что сказано о данной традиции в Википедии. При этом существование спроса на архаическую картину мира подразумевает мгновенное предложение, правда, и то, и другое кратковременно: особенность клипового сознания не позволяет долго удерживать внимание на чем-либо, в том числе и на традиционном.

Во-вторых, современное общество постсекулярно: как пафос религиозности, так и пафос светского гуманизма в нем в равной мере могут и отсутствовать, и присутствовать, точнее, привлекаться по требованию момента. При этом в личных побуждениях человек может руководствоваться как принципами религиозными (участие в священной войне), так и гуманистическими (проблема эвтаназии), но для общества эклектика неизбежна.

Таким образом, попытка возродить «традиционное общество» неизбежно упирается в ситуацию постмодерна: построить его легко, но лишь как ячейку пестрого коллажа. Что, впрочем, не мешает каждому члену общества в отдельности руководствоваться традиционными ценностями. Иными словами, в обществе постмодерна акцент традиционности переносится с социальной формации на субъекта, становится качеством личности.

На первый взгляд такая проекция может показаться нелепой: не личность создает традицию, а общество (далее нам предстоит преодолеть такое суждение). Но переход от общества к индивиду необходим для того, чтобы соотнести понятие традиции с категориями творчества и свободы.

Здесь невозможно не вспомнить о давнем споре двух философов, классиков русского зарубежья – Н. Бердяева и И. Ильина. Обычно их имена сопрягают в связи с проблемой сопротивления злу силой, вызвавшей печатную полемику этих мыслителей. Однако сопоставлять их работы в данном направлении не совсем корректно, как минимум из-за разницы в жанре: И. Ильин написал серьезный философский трактат «О сопротивлении злу силой», ставший для многих поколений источником цитат и материалом для размышлений, а Н. Бердяев ответил ему лишь эмоциональным эссе с характерным заголовком «Кошмар злого добра».

Гораздо продуктивнее сравнить взгляды И. Ильина и Н. Бердяева на проблему искусства, проблему современного творчества, спроецировав их при этом как на ситуацию традиционного общества, так и на общество постмодерна.

Для И. Ильина творчество есть прежде всего служение. Оно заключается в том, чтобы наполнять духовным содержанием художественно совершенные формы. При этом искусство выступает, с одной стороны, как необходимость (даже не потребность), с другой стороны, требует права, духовной санкции на самовыражение.

Понятие «необходимость» для И. Ильина в данном случае становится ключевым, например: «Оно [искусство] разрешит себе многое, но ничего такого, что выходит за пределы духовной необходимости, ибо здесь лежит критерий дозволенного, мера допустимого: в искусстве верно и художественно только необходимое» [3, с. 355].

На этом основании И. Ильин может говорить о правильном искусстве, используя соответствующие эпитеты: «в наших силах стать под знамя истинного, ответственного и вдохновенного, непобедимого и неумирающего, классического и... пророческого искусства» [3, с. 1153]. И. Ильин говорит даже о «здоровом» искусстве, например: «Пока искусство движется по здоровым творческим путям, его содержания не нуждаются в цензуре, потому что оно само собою, внутренне и изнутри осуществляет строжайшую и убедительнейшую цензуру, драгоценную и художественную» [3, с. 355]. Все остальное при этом можно объявить антиискусством, данью моде и рынку [4] или разрушительными тенденциями.

Для его оппонента Н. Бердяева «тайна творчества есть тайна свободы». «Лишь свободный творит. Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы» [2, с. 150].

В принципе для человека религиозного, для христианина, каковыми оставались до последнего часа жизни и И. Ильин, и Н. Бердяев, противоречия здесь нет. В христианском понимании творчество есть синергия, сотрудничество с Богом. Бог всемогущ, Он обладает безграничной свободой, следовательно, потенциально свободен и Его раб (дословно «сотрудник») – человек.

«Художнику... дана власть – населять человеческие души новыми художественными медитациями и тем обновлять их, творить в них новое бытие, новую жизнь» [3, с. 1152], – пишет И. Ильин, словно соглашаясь с бердяевским тезисом примата свободы над бытием. Однако для Н. Бердяева свобода есть трагедия. Вся история падшего и восстающего во Христе человечества для него есть трагедия бытия – «трагедия внутреннего свободного отношения между человеком и Богом» [1, с. 491].

Трагедией становится и творчество, притом не личной трагедией субъекта-творца, а трагедией всего человечества (как минимум потому, что художник не властен над интерпретаторами своего труда).

Продолжая этот ряд, можно заметить, что трагедией является и традиция, которая к тому же просто одна из форм организации трагедии-бытия. Таким образом, в интерпретации традиции совершается обратный переход от индивида к обществу, культуре, цивилизации.

Основное противоречие подходов И. Ильина и Н. Бердяева сводится к вопросу о том, являются ли творчество, свобода, традиция «здоровыми» или трагическими.

Однозначный ответ на этот вопрос невозможен. По-своему его определяет общество постмодерна и потребления. Трагедия оказывается в нем в лучшем случае лишь игрой, спектаклем, за масками которого может скрываться континуум контекстов. Понятия здоровья и традиционности в нем также могут иметь значение лишь в границах отдельно взятой ячейки эклектического коллажа.

Другое дело, если самый пафос понятия традиции допускает право на свободу и трагедию. В этом случае традиция и творчество в равной мере сохраняют смысл.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. *Философия неравенства* / Н. А. Бердяев. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
2. Бердяев Н. А. *Философия творчества, культуры и искусства: в 2 томах* / Н. А. Бердяев. Москва: Искусство, 1994. Т. 1. 542 с.
3. Ильин И. А. *Путь духовного обновления* / И. А. Ильин. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
4. Сэдзвик М. *Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века* / М. Сэдзвик; пер. с англ. М. Маршака; под ред. Б. Фаликова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 536 с.
5. Gregor A. J. *Mussolini's intellectuals: fascist social and political thought* / A. J. Gregor. Princeton University Press, 2005. 296 p.

УДК 17:82

С. Ф. Денисов

S. F. Denisov

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», Омск

Omsk State Pedagogical University, Omsk

Л. В. Денисова

L. V. Denisova

ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Омск

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТИУТОПИИ

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL SPECIFICS OF THE DYSTOPIAN

Аннотация. Представлена авторская концепция философской антропологии, сквозь призму которой рассматривается художественная антиутопия. Философская антропология оказывает влияние на основные жанровые характеристики антиутопии, превращая антиутопический жанр в метажанр. Антиутопия представлена как форма философской антропологии, выраженная художественными средствами.

***Abstract.** In the article the author is introducing authentic theory of philosophical anthropology with the aspect of fictional antiutopia. Philosophical anthropology influences major characteristics of antiutopia transforming genre of antiutopia into metagenre. Antiutopia is presented as a form of philosophical anthropology expressed with tools of fiction.*

***Ключевые слова:** философская антропология, художественная антиутопия, жанровые смешения, метажанр.*

***Keywords:** philosophical anthropology, fictional antiutopia, mix of genres, metagenre.*

Сергей Захарович Гончаров в своих исследованиях неоднократно проводил мысль о необходимости единства рассудка как основы логического мышления и аксиологической составляющей человеческой активности. «Проблемы единения логического синтеза рассудка и аксиологического синтеза “сердца” возможно решить на пути выявления глубинных тенденций технической цивилизации и культуры, технологий и нравственности» [3, с. 4]. При этом человек стремится к совершенству, опираясь на духовную составляющую своей души. В художественной литературе такое направление человеческого творчества выливается в создание утопических произведений. Однако в современном обществе начинают господствовать идеи консюмеризма, приводящие к размыванию и элиминации нравственных духовных начал. «Эрозия нравственности есть угасание социальной связи, деградация по всей линии бытия людей, десоциализация индивидов с их невротами и различными деструкциями» [2, с. 210]. В художественной литературе подобного рода деградация людей описывается в таком литературном жанре, как антиутопия. Если утопия ведет речь о спасении человека, то в антиутопии в образной форме представлены губительные стратегии человеческой активности и губительные модели человеческого будущего, а порой и настоящего. Таким образом, получается, что утопии и антиутопии в художественно-образной форме воспроизводят предметное содержание философской антропологии.

Специфика философской антропологии обусловлена ее основным вопросом. Поскольку философия всегда ставит наиболее важные, существенные вопросы, постольку основным вопросом философской антропологии будет являться вопрос о спасении человека. Спасение – это процесс избавления человека от различных форм зла и обретения им подлинной, совершенной жизни. Спасение – это путь к совершенству, как бы выразился С. З. Гончаров, с которым мы неоднократно беседовали на тему совершенства и несовер-

шенства. Отсюда основной философско-антропологический вопрос будет состоять из двух пар вопросов. Первая пара вопросов напоминает, от чего человеку необходимо спастись и что собою представляет губительное бытие. Ответ на эти вопросы предполагает исследование губительных для человека тенденций. Вторая пара вопросов – это вопросы о стратегиях и моделях спасения. И, как нам представляется, философско-антропологическая сущность антиутопии сказывается на ее жанровых характеристиках.

В антиутопии исследователи пытаются вычлениить наиболее характерные особенности антиутопического жанра. Под жанром художественной литературы обычно понимается исторически сложившаяся, устойчивая разновидность произведений (внутри рода), характеризующаяся определенными сюжетными и стилистическими признаками. Жанровые характеристики указывают на самостоятельность и цельность антиутопического произведения, жанр позволяет рассматривать литературное произведение как самостоятельную и законченную единицу художественного творчества. Жанр есть некая исторически сложившаяся и относительно устойчивая система тех или иных взаимосвязанных элементов художественной структуры произведений искусства, образующих его художественное единство. Жанр указывает на наличие в произведении художественного образа мира, выступая его моделью. Жанр – это «внутренне сбалансированная, относительно завершенная система, организующая произведение в целостный образ мира» [4, с. 136]. Однако в последнее время жанры перемешиваются, сливаются друг с другом и сами филологи вынуждены признавать, что «в современном литературоведении нет строго ограниченного числа возможных жанров» [5].

«Под жанровым смешением ... понимается объединение в одном художественном произведении элементов двух или более жанров, при котором жанровые признаки в одном из них остаются доминирующими» [6, с. 225]. В частности, смешение педагогических идей с художественным романом приводит к становлению такого жанра, как педагогический роман. Произведение этого рода обычно включает описание процесса становления молодого человека, превращения его в полноценную личность. Таковы романы Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1849–1850), Г. Гейне «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796). И. Г. Песталоцци в своем произведении «Лингард и Гертруда» (1781–1787) раскрывает свой собственный метод обучения в народной школе, основанный на сочетании преподавания с производственным трудом. В этом романе в сентиментальном тоне рассказывается история спасения слабохарактерного Лингарда его женой Гертрудой.

В эпосе, драме и лирике тоже появились такие жанровые смешения, как философские, социально-философские, философско-религиозные, психологические и социальные разновидности. «Примером переплетения научного и художественного в единое целое является произведение А. Зиновьева “Зияющие высоты”, которое в литературоведении с легкой подачи автора определяют как «социологический роман». Термин «социологический роман» должен был отразить трансформацию в таком произведении социальных идей в слова и поступки литературных персонажей. В “Зияющих высотах” излагаются результаты научного исследования социальных явлений, но делается это с использованием средств художественной литературы» [5]. Иначе говоря, в «Зияющих высотах» доминирующим жанром становится социология, облеченная в художественную форму.

В антиутопии в художественной форме демонстрируются губительные для человека и общества тенденции, губительные стратегии существования и губительные модели будущего. Таким образом, антиутопия носит ярко выраженный философско-антропологический характер, при этом на специфику антиутопического жанра оказывает влияние именно философская антропология, а сама литературная антиутопия принимает характер метажанра.

К метажанровым литературным объектам относятся такие произведения, специфика которых определяется не столько литературным жанром, сколько теми составляющими, которые не относятся собственно к художественной литературе, существуют вне ее рамок, как бы «сверх» литературного жанра. Однако эти нежанровые составляющие начинают определять специфику литературного произведения. В романе А. Зиновьева нежанровой составляющей выступает социология, которая диктует свои условия содержанию и сюжету объекта, что и делает произведение метажанровым.

Метажанр – это слияние литературных жанров и нелитературных феноменов, в числе которых могут выступать, например, социалистическая идеология, в результате чего появляется такой метажанр, как соцреализм; когда различные виды науки соединяются с фантастикой, тогда мы имеем такой метажанр, как научная фантастика. Среди многочисленных жанров выделяется философский метажанр [1], который представляет собой художественное изображение философских идей. При этом философские идеи доминируют в философском романе, и философия представлена в художественной форме, в форме образов-понятий. В философском романе происходит художественное обоснование и проверка философских идей.

Влияние философии на жанровые характеристики проявляется уже в том, что конкретные образы героев могут быть заменены философскими образами. В философском романе можно выделить особый тип персонажа, представляющего собой укрупненное изображение человека: персонаж в данном случае является не индивидом или социальным типом, а представителем рода человеческого, философской метафорой обобщенного типа человека – субъекта действия.

Итак, в антиутопическом метажанре доминирует философско-антропологическая проблематика, которая и оказывает прямое влияние на жанры различных видов антиутопий. Антиутопический метажанр содержит в себе ответы на вопросы: что собою представляет губительное бытие? какие факторы губительного бытия имеют доминирующее значение? как устроено губительное бытие? что собою представляют те люди, которые не осознают губительность бытия? кто такие бунтари, которые осознают губительность бытия и выступают против такого бытия? что представляют собою люди, осознающие губительность бытия, но защищающие такое бытие?

Список литературы

1. *Агеносов В. В.* Советский философский роман / В. В. Агеносов. Москва: Просвещение, 1990. 300 с.

2. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление: монография: в 3 частях / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. Ч. 3: Аксиология мышления. 608 с.

3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление: онтологический, гносеологический и аксиологический аспекты: диссертация ... доктора философских наук / С. З. Гончаров. Екатеринбург, 2007. 542 с.

4. *Лейдерман Н. Л.* Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е годы / Н. Л. Лейдерман. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.

5. *Шарифова С. Ш.* Понятие, механизмы и формы жанрового смешения в современной романистике [Электронный ресурс] / С. Ш. Шарифова. Режим доступа: http://actualresearch.ru/nn/2010_4/Article/philology/sharifova.pdf.

6. *Шарифова С. Ш.* Смещение романа с научными жанрами / С. Ш. Шарифова // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 221–227.

М. А. Капшутарь

M. A. Kapshutar

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF SOCIO-HUMANITARIAN EDUCATION FOR PERSONAL DEVELOPMENT

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы педагогической аксиологии, актуализируются возможности дисциплин социально-гуманитарного цикла для развития личности обучающихся.*

***Abstract.** The article deals with the problems of pedagogical axiology, updated capabilities disciplines of social and humanitarian cycle for the development of personality of students.*

***Ключевые слова:** аксиология, смысл, ценность, ценностные ориентации, ценностная установка, ценностное сознание, ценностное поведение, потенциал.*

***Keywords:** axiology, sense, value, valuable orientations, valuable installation, valuable consciousness, valuable behavior, potential.*

В рамках заявленной проблемы продуктивным представляется выделение В. А. Сластениным и Г. И. Чижиковой следующих функций современного образования: компенсаторной, адаптирующей, развивающей, креативной, социального наследования, преобразующей. В настоящее время одной из наиболее значимых является *аксиологическая* функция образования, под которой понимаются ценностные характеристики, свойства образования, отражающие стратегию его дальнейшего развития и оказывающие существенное влияние на совершенствование общественных и государственных процессов, формирование личности [8].

Сейчас, когда человечество оказалось перед лицом глобальных проблем, теория ценностей актуализируется в связи с новыми социальными, научно-техническими реалиями, поскольку все большую роль в содержании мироощущения, мировоззрения новых поколений начинают играть ка-

тегории *мира, жизни человека, жизнетворчества*. Эти ценности оказывают первостепенное влияние на социальные и личностные смыслы.

В условиях социокультурных трансформаций, кризиса образования и воспитания, девальвации традиционных ценностей, на которые ориентировалось образование, получила дальнейшее развитие проблема ценностей образования, всегда значимая в жизни, философии и педагогике. Эволюция идеи ценности в образовании привела в настоящее время к утверждению целостного представления об образовании как универсальной ценности. Философ В. Франкл, исследовавший человека, находящегося в поисках смысла, писал о распространяющемся все шире чувстве *смыслоутраты*, порождающем состояние, которое он называл *экзистенциальным вакуумом*. Подобное состояние связано с потерей смыслообразующих ценностей и имеет негативные последствия для процесса социализации личности [11]. Экзистенциальный вакуум нарастает в современных условиях в связи с периодом перемен, размаха, глубины и стремительности которых не знало человечество в прошлом. Интернационализация жизни, глобализация, проблемы окружающей среды, напряженность межнациональных и религиозных конфликтов, а также широкое распространение новых культурных норм, вступающих в противоречие с традиционными ценностями, обостряют этические и педагогические проблемы. В настоящее время прежние ценности подвергаются жесткой критике, а новые еще не выработаны и потому заимствуются чаще всего на Западе, что приводит к ценностной неопределенности, более того, к дезориентации общества и системы образования, как считает М. И. Фишер [9].

Этим обусловлен тот факт, что аксиологическая проблематика образования вышла на первый план в российской педагогике в 90-е гг. XX в. С тех пор продолжается поиск методологического, а также педагогического обоснования названных ценностей образования.

Аксиологический подход становится органическим и необходимым компонентом осмысления устойчивого социального развития (В. И. Бойко, Ю. М. Плюснин, Г. П. Вылежцов [3]), проблемы взаимодействия познания и ценностного сознания (М. С. Каган, Н. С. Розов [7]), изучения феноменологии ценностных систем личности (М. И. Бобнева, В. Г. Алексеева), формирования нового тезауруса и новой образовательной парадигмы (Н. Б. Крылова, З. А. Малькова, Н. М. Воскресенская), аксиологической парадигмы (В. А. Сластенин, Г. И. Чижаква), ретроспективного анализа философских

и педагогических систем, являющегося базисом для сравнительной педагогики, философии образования нового времени (Н. Д. Никандров, З. И. Равкин, В. В. Веселова).

Так, педагогическая аксиология как относительно самостоятельная область педагогического знания рассматривает образовательные ценности с позиции самооценности человека и осуществляет ценностные подходы к образованию на основе признания ценности самого образования [8]. Современные исследователи педагогической аксиологии (Н. Д. Никандров, Б. С. Гершунский, З. И. Равкин, В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова, А. В. Кирьякова, Л. П. Разбегаева) рассматривают ценности как основу *стратегии развития образования, социализации и воспитания, как предмет научно-педагогического исследования.*

Согласно В. А. Сластенину и Г. И. Чижаковой, педагогическая аксиология включают следующие основные принципы: исторической и социокультурной изменчивости образовательных ценностей, взаимосвязи социокультурных и образовательных ценностей, соотнесения общественных и личностных ценностей, интеграции традиционных и инновационных ценностей [8]. Неизбежное, неустранимое оценивание как мыследеятельность в процессе познания ставит вопрос о том, какое содержание и технологии обучения содействуют складыванию у обучаемого системы ценностей на основе развития смысловой сферы личности. Это особенно актуально в современном образовании, протекающем в условиях поликультурности и полипарадигмальности, взаимодополнения и взаимопроникновения разных систем ценностей и сохранения «вечных» ценностей. Поэтому аксиологизация педагогики поднимает вопросы о том, как в образовании, обращенном к человеку (центрирующемся на нем, согласно К. Роджерсу), реализовать его аксиологический потенциал.

Так как формирование системы ценностей в образовании сопряжено с процессом развития личности в целом, можно говорить об аксиологическом потенциале образования. Выделим блок ключевых понятий аксиологической направленности и дадим им определения.

Системообразующим является понятие *ценности* (гр. *axia* – ценность), под которым подразумевается свойство предметов, явлений природы, общества, человеческих отношений, несущее оценочные характеристики. Несмотря на неоднозначность определения понятия «ценность», приведенного в словарях (толковом под ред. С. И. Ожегова, философских – под ред.

И. Т. Фролова, В. Е. Кемерова) и научной литературе (У. Урбан, Д. Прасл, Л. Льюис, Д. Паркер, М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Вундт, Ф. Brentano, В. Дильтей, О. Шпенглер, В. Виндельбанд, Ф. Ницше, Г. Риккерт, М. Шелер, М. Хайдеггер, В. Франкл, В. С. Соловьев, С. И. Гессен, Л. Н. Толстой, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, К. Э. Циолковский, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, Л. Н. Столович, Н. С. Розов), так или иначе исследователи связывают сущность данного понятия со *сложившимся значимым отношением и оценением*.

Такой подход нацеливает педагогику и образование на решение задачи ценностной ориентации растущего человека, содействие процессу возникновения ценностного сознания, становления ценностного отношения и ценностного поведения. Разделяя в основном подходы В. А. Сластенина и Г. И. Чижиковой [8], определим данные понятия, имея в виду их взаимосвязь и взаимозависимость.

Ценностная установка связана с проявлением чувств и мыслей в соответствующих реакциях, ожиданиях, надеждах, опасениях, пристрастиях, предубеждениях, которые определяют отношение человека к фактам, событиям, людям, мнениям, а также готовность действовать в соответствии с определенными ценностями. *Ценностное отношение* обусловлено внутренней позицией личности, в основе которой лежит взаимосвязь личностных и социальных значений (осознаваемых или неосознаваемых), стимулирующих поведенческие реакции человека. *Ценностная ориентация* означает наличие устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в виде фиксированных установок на те или иные ценности. *Ценностное сознание* характеризуется совокупностью чувственных и умственных образов на основе знания и переживания, участвующих в осмыслении человеком мира и своего собственного бытия, и связано с постижением смысла и значений. *Ценностное поведение* связано со способностью человека к целенаправленным действиям, внутренними регуляторами которых являются ценностные установки, отношения, ориентации, сознание.

Проведенный нами анализ философской, психологической и педагогической литературы позволяет говорить о том, что развитие личности непосредственно связано со становлением системы ценностей в ценностно-ориентационной деятельности и ценностно-смысловой коммуникации. Человек, являясь субъектом ценностей, проявляет их в высших ценностях, к которым относятся *смысл жизни, добро, справедливость, красота, истина, свобода, ответственность*.

В. А. Сластенин и Г. И. Чижакова предлагают следующую иерархию ценностей образования: *доминантные* (знания, познавательная деятельность, общение); *нормативные* (стандарты, моральные и нравственные нормы); *стимулирующие* (методика преподавания, традиционные и инновационные педагогические технологии и ценности контроля) и *сопутствующие* ценности (учебные умения, понимание учеником изучаемых предметов и явлений) [8].

Для современного гуманитарного образования актуальность проблемы ценностных оснований объясняется тем, что гуманитарное образование как феномен культуры представляет собой систему духовно-практического освоения человеком реальности. Особенностью гуманитарного знания является его субъективный характер, который отражает субъективное (авторское) видение действительности, его субъективную позицию, точку зрения, его рефлексии, поэтому так важен ценностный подход к оценке явлений [6].

Ценностный подход к изучению педагогических явлений и процессов позволил ряду авторов (В. А. Ядов, В. Г. Алексеева, Т. Н. Мальковская, В. С. Мухина) сосредоточиться на взаимосвязи личности и общества, увидеть значимость личностного аспекта в ориентации школьников на ценности и в связи с этим использовать понятие «ценностные ориентации» в широком значении.

В ходе нашего анализа было установлено, что в отечественной и зарубежной психологии существует несколько подходов к изучению ценностей и ценностных ориентаций личности [2]. В отечественной психологии ценностные ориентации рассматривались в контексте личностных смыслов (Б. В. Зейгарник, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь). Направленность личности выделяется авторами в качестве ведущей характеристики и определяется ими по-разному: «*динамическая тенденция*», «*основная жизненная направленность*» [5], «*смыслообразующий мотив*» [1].

В зарубежной психологии ценности и ценностные ориентации как основная характеристика личности исследовались Э. Шпрингером, Дж. Холландом, М. Рокичем, В. Франклом и др. Э. Шпрингер рассматривает ценностные ориентации как «форму познания мира» или «форму жизни», как духовное начало и продукт культурного состояния человечества. Теоретическая концепция В. Франкла построена на признании смысла жизни базовым фундаментальным образованием, определяющим поведение и отношение личности, которое проявляется в виде системы ценностей (творчества, переживания, отношения).

Таким образом, ценности и ценностные ориентации рассматриваются как осознанный и принятый человеком общий смысл его жизни, где личностный смысл представляет собой индивидуализированное отражение действительности, выражающее отношение личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность и общение [10].

Аксиологический потенциал (лат. *potentia* – возможность, сила) обусловлен предметной и ценностной спецификой дисциплин социально-гуманитарного блока. Поскольку ценности носят предметный характер, то они связаны с конкретным содержанием изучаемого материала. Социально-гуманитарное знание уникально и незаменимо для развития растущей личности, в частности, ее ценностных смыслов – личностных и социальных. Универсальность социально-гуманитарного образования обеспечивается познанием человека в социуме, в истории как измерения бытия, составляющего суть развития человечества, определяющего фундаментальность образования.

Как и другие образовательные области, социально-гуманитарные дисциплины обладают эпистемной, мировоззренческой, инструментальной, аксиологической, рефлексивной сущностью, которые, однако, еще предстоит актуализировать в процессе обучения для формирования системы ценностей в личностно-развивающем образовательном процессе.

Аксиологичность социально-гуманитарных дисциплин состоит в ценностной нагруженности. Историческое пространство-время через века и народы пронизано поиском ценностей и их оправданием. Жизнь социума может быть рассмотрена через ценностные установки, ориентации, отношения, выраженные в оценочных суждениях и ценностном поведении отдельных личностей и народов. Аксиологичность социально-гуманитарного образования достигается через *эпистемное* знание, состоящее в познании всеобщности человечества и социальной роли человека, преемственности поколений, сохранении традиций и с ними «вечных» общечеловеческих ценностей. Эти знания о сущем, являясь системными и фактологично насыщенными, актуализируют острые проблемы времени и вопросы о ценностях жизни людей и событий. Так у обучающихся формируются убеждения, взгляды, умения высказывать оценочные суждения, ставить вопросы об «истинных» ценностях и искать на них ответы. Поэтому социально-гуманитарное познание является *мировоззренческим*. Вопросы об устройстве жизни в обществе, государстве, семье, о духовности, нравственности, идеологии, религии, экономике, политике и культуре открывают человеку метафизику жизни, ее этику и эстетику, характер общественных отношений, которые

насыщены проблемой ценностей, смыслов и значений. Постановка вопросов о причинах и следствиях тех или иных фактов, явлений, процессов учит умению видеть общественные проблемы, формулировать их, искать решения и вновь задавать вопросы. Так развивается критическое мышление обучающихся в соответствии с формирующейся системой ценностей, в основании которой лежат знания, их осознание и понимание. В этом состоит *инструментальность* социально-гуманитарного блока дисциплин. Названные особенности комплексно проявляются в способности личности *рефлексировать* процесс познания и осознания в нем системы ценностей на личностном и социальном уровнях через самоопределение и самореализацию. В процессе социальной рефлексии развивается личностная рефлексия, коррелирующая с социальной [4, с. 91–95].

Сказанное ориентирует дидактику на такую организацию обучения, при которой развиваются способности критически-рефлексивного, эвристического мышления, анализа сути общественных отношений, умения делать собственные выводы на основе самостоятельного изучения информации. Это ставит обучающихся перед проблемами нравственного выбора, учит ориентироваться в морально-нравственных оценках сложных, противоречивых и неоднозначных исторических событий общества, государства, нации, семьи, личности.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* Психология личности / А. Г. Асмолов. Москва: Смысл: Академия, 2002. 415 с.
2. *Ахаян Т. К.* Исследование аксиологических проблем воспитания учащихся (научная школа – материал к спецкурсу) / Т. К. Ахаян. Санкт-Петербург: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1996. 98 с.
3. *Вылежцов Г. П.* Аксиология: становление и основные этапы развития / Г. П. Вылежцов // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 61–73.
4. *Дудина М. Н.* Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории / М. Н. Дудина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 396 с.
5. *Ломов Б. Ф.* Проблемы и стратегия психологического исследования / Б. Ф. Ломов. Москва: Наука, 1999. 204 с.
6. *Разбегаева Л. П.* Ценностные основания гуманитарного образования / Л. П. Разбегаева. Волгоград: Перемена, 2001. 289 с.

7. Розов Н. С. Культура, ценности и развитие образования (обновление реформы гуманитарного образования высшей школы) / Н. С. Розов. Москва: Исслед. центр по проблемам упр. качеством образования, 1992. 154 с.

8. Слостенин В. А. Введение в педагогическую аксиологию / В. А. Слостенин, Г. И. Чижакова. Москва: Академия, 2003. 192 с.

9. Фишер М. И. Преодоление неопределенности в российском образовании / М. И. Фишер // Педагогика. 1993. № 6. С. 18–23.

10. Фомичева И. Г. Ценностно-ориентированное воспитание как концептуальная идея / И. Г. Фомичева // Образовательная стратегия в начале XXI века и проектирование региональных образовательных систем. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2003. С. 12–14.

11. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. Москва: Прогресс, 1990. 368 с.

УДК 130.121

В. И. Красиков

V. I. Krasikov

*ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Москва*

All-Russian State University of Justice, Moscow

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РАДИКАЛЬНОЙ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ

ANTHROPOLOGICAL SENSE OF RADICAL PERSONALIZATION

***Аннотация.** Обсуждается вопрос о сущности и характеристиках протекания радикальной персонализации, объективной антропологической основой которой является средняя личность. Радикальная персонализация часто обретает форму возрастных кризисов. Ее смысл в том, что в сознании отдельного человека разрушаются социальные нормы и коды. Такое отчуждение от социальной и видовой нормы может привести к социальной аномии и саморазрушению. Вместе с тем возможен и положительный выход на новые «проекты бытия». В статье использовались исповедальные и дневниковые материалы выдающихся людей.*

***Abstract.** The article discusses the question of the nature and characteristics of the process of radical personalization, which objective anthropological basis is the average person. Radical personalization often takes the form of age-related crises. Its*

meaning is that in the mind of the individual break social norms and codes. Such alienation from social norms and species can lead to social anomie and self-destruction. At the same time, possible new and positive output on his new «life projects». The article used the confessional diaries and materials of outstanding people.

Ключевые слова: радикальная персонализация, трансформация самосознания, «второе рождение».

Keywords: radical personalization, self-transformation, «second birth».

Предмет рассмотрения данной статьи – радикализация персонализации, или период интенсификации личностного развития, происходящий в жизни некоторых людей. Радикальная персонализация связана либо с углубленным, надрывно-обостренным протеканием возрастного кризиса юношеского или зрелого возраста, который получает нестандартное развитие, либо со встрясками «пограничных ситуаций», либо с наложением того и другого. Переход Рубикона связан с нарушением меры естественно-социальной персонализации: глубокими сомнениями в смысле социальных порядков и всего Естественного Порядка, амплитудностью самоуничужения и самовозвеличивания.

Смысл радикализации персонализации состоит в том, что в сознании отдельного человека рушатся естественно-социальные коды, шифры. Карты перетасовываются для новой раздачи. Радикализация персонализации – это создание внутренней дистанции по отношению к координатным значениям суггестивных реальностей, в том числе и к проекции нормативного «я».

Дистанцирование проявляется в постепенно нарастающем осознании относительности, условности, историчности, искусственности, конвенциональности значений мира, ограниченности, суетности, метафизической бесцельности людского и конкретно собственного существования. Позже приходит понимание произвольности, субъективности, пристрастности любых возможных значений мира, зависимости так называемых абсолютных ценностей от антропологически-видовых устремленностей.

Если все это отчуждение от видового естества не приведет к патологиям, то завершится возникновением новых, своих, но таких же субъективистских значений мира – проектов бытия. Некоторые существования, действительно, могут порождать сущности.

Особое внимание здесь будет уделено радикализации присутствия, поскольку именно она порождает сознания с креативной силой комбинирующего воображения – людей, способных пересматривать значения мира и создавать его новые образы.

Норма естественно-социальной персонализации – минимальное антропологическое условие для развития креативных способностей. Особое значение радикальной персонализации в том, что именно она способствует появлению «экстремалов сознания», чья активность, творческое напряжение получают направление *преобразования*. Под преобразованием подразумеваются не малые совершенствования, идущие каждый день, постепенно, незаметно, непрерывно в жизнедеятельности миллионов людей, а кардинальные преобразования жизненных и мыслительных форм существования людей: норм, укладов, стилей, алгоритмов, шаблонов, стандартов – в нравственности, технике, способах ведения войн и мировоззрениях, научных теориях и политике и пр. [3].

В этом объективный антропологический смысл радикальной персонализации – «по ту сторону добра и зла» всевозможных оценок. Хотя именно радикальные индивидуалисты трудны для восприятия масс, именно они ужасающе противоречат норме. Их с трудом переносят и не понимают, от них раздражаются, а то и ненавидят, особенно те, кто ближе к ним по социальной среде и не понаслышке знает об их амбициозности, презрительности к условностям. Преклоняются, уважают результаты их деятельности скорее дистанцированно: либо «дальние», либо после ухода в мир иной этих ненормальных.

Причем и с экзистенциальной, и с антропологической точки зрения они либо неуместны со своими притязаниями, либо вроде бы как и лишние. Экзистенциально все люди равноценны. Каждое сознание – отдельный мир, универсум со своей самодостаточной, самозаконной историей и самооценным устоем. Все равно ведь, как ты прожил свою жизнь: «ярко и броско» или же «прокоптил небо» – каждый наслаждается и мучается человеческим уделом и каждого ждет один и тот же конец. Антропологически для выживания и функционирования вида, массы ценны прежде всего женщины и наиболее конформистская, репродуктивно-сознательная часть мужчин. Эти две категории, собственно, и определяют действительную, не выставочную жизнь любого социума, его норму и подлинную философию. Они и есть сама норма. Социальная жизнь конституируема ими и вокруг них. Ибо они масса, среднее большинство, их коренные интересы и есть сам вид.

Персонализация порождает не только великих эгоистов, но и великих гуманистов, альтруистов, вождей-харизматиков и идеалистов-мечтателей. Не важно, какие учения, программы, максимы они создают в виде «новых реальностей», образов мира или новых общественных порядков.

Главное в том, чтобы переиначить жизнь, сломать порядок вовне, вначале им обязательно надо переродиться, сломать порядок внутри себя: порядок естественного «я» и естественно-социальных значений мира. Радикализация персонализации означает рождение сознания, живущего в режиме не общественной, а самонаведенной суггестии. Однако искренняя убежденность в подлинности последней так велика, что оказывает «властное впечатление реальности» на окружающих, последователей и начинает жить уже независимой от создателя жизнью одной из возможных «социальных реальностей». Последние образуют собой фундамент представлений множества людей о природе и себе, целях и смыслах своей жизнедеятельности. Это то «меню», ассортимент «мировоззренческих блюд» которого предлагается отдельному среднему индивиду общественным окружением.

Может создаться впечатление, что эти рассуждения представляют собой реанимацию старой идеи о «героях и толпе». Но это не так. «Герои» – это удачливая, крайне малая часть радикально персонализирующихся сознаний. Да и из них многим была уготована лишь посмертная слава, земное же существование было далеко от людских представлений о счастье. Они не «идеал», образец некой будущей «положительной» персонализации в «будущем персоналистическом обществе» а la Мунье [5].

Радикальная персонализация, особенно на первых ее этапах, – сильное *отрицательное* для жизни явление, и совершается она не свободно. Это *вынужденное бегство* от бессмыслицы, страшных мыслей о смерти, дамоклова меча самоубийства. Подобное мало напоминает спокойную уверенную поступь творца свободы.

Большинство радикально персонализирующихся сознаний находится в имманентном их качеству состоянии конфронтации с миром людей. Проще говоря, глубинно в душе они попросту *асоциальны*, тайно презирают мир, брезгливы по отношению к посредственности, даже если они это тщательно скрывают.

В радикальной персонализации столь же мало привлекательного для среднего человека, как в тяжелой душевной болезни. За любое обретение надо платить. Обретение же здесь довольно-таки сомнительное: неординарность и рефлексивность, целеустремленность и жизненное напряжение. Сами по себе, без задействования, вне творческо-продуктивного овнешнения они чреватые самоуничтожением. *Платой* радикальной персонализации становится вычерпывание, истощение сил и жизненных ресурсов – за все платится жизнью.

Положительный, «рождественский» образ персонализации вызван известным пиететом большинства перед выдающимися, неординарными людьми, особенно после их смерти, идеализацией абстрактного гуманизма, а также усилиями мемуарной самореспектабилитации или благоговейным ретушированием части учеников и поклонников. Хотя, справедливости ради, следует сказать и об объективной подоплеке восторженно-положительных характеристик – справившиеся с тяжелым душевным заболеванием радикальной персонализации, действительно, способны не только перестроить свою душевность, но затем и конвертировать отрицательные состояния в положительные, гармонизовать их в смыслы «для людей».

Каковы же основные симптомы, формы протекания и следствия радикальной персонализации? Исповедальный и дневниковый материалы действительно бесспорных «экстремалов сознания» делают их доступными для рационально-понятийного осмысления. Внешнее разнообразие, исторически разнящиеся контексты сначала скрывают персоналистичное единство, но постоянно укрепляешься во мнении о постоянстве и архетипической повторяемости среди времен, культур и народов одних общих сюжетов персонализации. Антропологическая общность фундаментальных форм протекания радикальной персонализации все же превалирует над ее имманентным индивидуальным своеобразием. Конечно, разные ее черты с разной степенью интенсивности могут быть представлены у той или иной личности, но они необходимы для духовного опыта радикальной персонализации.

Конечно, невольно возникает вопрос: «насколько эти черты репрезентативны и могут ли присутствовать у людей заурядных?» Они не встречаются в серьезном и последовательном формате у женщин. Это может быть объяснено как исторической гегемонией мужчин, так и разностью психоментальных конституций. Женщины по-иному относятся к миру, что, впрочем, не исключает возможных прецедентов мужского сознания у отдельных представительниц прекрасного пола.

Многие черты радикальной персонализации можно встретить и у людей вполне заурядных, но вразброс и зачастую скорее в психойдной, болезненной форме. То есть по отдельности эти черты вполне распространены, однако вместе и в достаточно сильной степени интенсивности, в некоей взаимоуравновешивающей, взаимонейтрализующей целостности они дают положительный эффект радикальной персонализации. Вне этого взаимопределения эти черты, каждая сама по себе, могут спровоцировать (и про-

воцируют) ненормальное психическое состояние. Вместе они порождают как минимум самобытность, глубокую оригинальность, как максимум, если удачно сочетаются с какими-то ярко выраженными природными задатками, – гениальность.

Радикальная персонализация имеет объективную антропологическую подоплеку, вырастает на основе социально-естественной персонализации и возрастных кризисов. Это *норма развития «вне» и «дальше» нормы*, норма элитности в сравнении с собственно нормой как стандартом большинства. Хотя и грань перехода между ними в самом актуальном процессе конкретно-личностного становления незаметна и трудно фиксируема. Сравнивают со стандартом ведь обычно уже выдающуюся личность со зрелыми, законченными формами. К тому же личностное развитие всегда открыто, непрогнозируемо, чревато катастрофичностью. Оно может в любое время как начаться, так и кончиться у людей с ярким живым воображением и основательной самокритичностью.

Основными характеристиками процесса радикальной персонализации в целом являются сочетание в ней объективно-закономерного и случайно-катастрофического, спонтанного.

«Проектирование себя», «самоформатирование», конечно, довольно выпретенные обозначения персонализации, дети моментов жизненной удачливости, стабильности и затишья. В философской литературе используются термины: «поворот», «зановорождение», «озарение экзистенцией», «второе рождение», в отношении радикальной персонализации религиозной направленности – «обращение», «conversion». Следует отметить, что религиозная радикальная персонализация, как правило, более напряженна и интенсивна, чем светская. Вероятно, потому, что другое, трансцендентное, воспринимается более требовательным, более активно запрашивающим и возбуждающе-будоражающим воображение.

Радикализация персонализации означает действительное начало автономной душевной жизни через конфронтацию с окружением, нахождение собственных принципов и правил. Но известно, что в массовом порядке конфронтация и поиск самостоятельности – норма обретения социально-естественной персонализации через подростковые и юношеские психологические кризисы. Ясно ведь, что сама радикализация персонализации возможна у тех, кто обрел ее «норму», существующую в данном обществе, и пошел дальше.

Сама норма есть соответствующее жизненное качество *созревания* сознания, определенная возрастная конфигурация накопленного опыта (памяти) и меры развития рефлексивных начал. Главное здесь то, что в норме созревание сознания происходит после отработки ресурса биологической креативности: знакомства и участия в половой жизни вида, любви, заботы о семье и детях.

Сначала видовая программа реализует главное, для чего предназначено юное тело, кипящее жизненностью и воображением, и только затем ослабляются тиски напряжения пола – параллельно со снижением жизненной интенсивности, стабилизацией и началом увядания. Лишь тогда становится позволительным «уход в себя», когда основное дело сделано и возможны некоторые послабления, в формате которых и возникает действительное самоосознавание. Юное тело с высокоинтенсивными ощущениями и безмерным воображением опьянено своим существованием и его величественными перспективами, безотчетно верит в собственную значительность и бессмертие. Сознание может знать о смерти и бессмысленности жизни, но эти переживания и идеи несовместимы с буйством жизни, которая «вечна» в тот момент, они абстрактно-нежизненны.

Но они же актуализируются новым, наступающим качеством жизни зрелого тела. Не потому пресыщаются, что «знают уже все» о наслаждениях, а потому, что тело уже не дает тех высокоинтенсивных и частых наслаждений, которые были в юности.

Иное, уже сбавляющее обороты тело, чувствующее уже все чаще и чаще страдания, начинает «ощущать» прежние абстрактные для него идеи, вернее, начинает понимать боль.

Генетическое расписание жизни продумано очень рационально. Персонализация онтологически необходима для всего живого. У человека она к тому же «квантуется»: средняя, необходимая мера «отпускается» в юности, но так, чтобы она не отвлекала молодых от «заданий вида». Подростково-юношеские кризисы, в которых проходит социально-естественная персонализация, при всех их внешне-бунтарских проявлениях протекают быстро и безвредно, сменяясь цунами любви, семейной жизни и карьерных усилий по достижению обеспеченности для подрастающих детей.

Цунами сменяются небольшим волнением, переходящим в мертвый штиль подступающей апатии и разочарований. И вот тогда-то и наступает пробуждение: спонтанно, случайно, катастрофично. До сего момента шли бессознательные, серьезные изменения тела и сознания. Телесные ощущения

теряют свою первозданную свежесть, воображение гасится рационализацией жизненного опыта, сознание стремится обособиться. Какое-то время углубление персонализации идет на полусознанном уровне, чтобы предстать в некий момент как «озарение экзистенцией» среднего возраста. Поблекшее, ослабленное опытом и самокритичностью воображение уже не в силах препятствовать отрезвлению сознания относительно представлений о смысле своего присутствия, нужности другим и имеющихся перспектив.

Радикализация персонализации – это мучительство над собой, и обнаруживает она себя, являет себя с самого начала как состояние бессмыслицы, безнадежного недоумения: «Зачем живем? Зачем умираем?» [6]. Рациональности здесь нет, помимо животной жизни, одна истина бесспорна: приближение смерти.

Человек чувствует себя отъединенным, оставленным – оставленным смыслом. Невинность социально-естественного смысла существования, «внутри» которого находится антропологическое большинство, утеряна безвозвратно. Обратно уже никогда не примут, там ты чужак – это чувствуют все и прежде всего ты сам.

Начинается отчаяние бегства от всего в неизвестность, никуда, болезнь изоляции, омерзения к окружающему и презрения к себе. Все это предельно серьезно и рационально, без истерики и эмоций. Они были раньше, но все уже пережито, испито, иссушено и само найдено также пошлым.

Собственно, лишь серьезность абсолютной угрозы себе, т. е. будничность и деловитость мыслей о самоубийстве, побуждает некоторых на отчаянные усилия перенаправить свое внимание на нечто, ради чего стоит жить.

«Все видимости, сконцентрированные вокруг меня, поддерживают мою веру в то, что я могу эффективно *get rid of myself* (избавиться от себя)», – пишет Г. Марсель в своем «Метафизическом дневнике» [4, с. 121] Л. Толстой, судя по «Исповеди», одно время просто боялся импульсивно себя убить, предусмотрительно убирая со своих глаз ружья и веревки от себя же. Концовка дневника Л. Витгенштейна дьявольски искушает: «Или же самоубийство в себе не является ни добрым, ни злым?» [2, с. 114].

Поиски себя, смысла жизни, самоустроение лишь в некотором, частичном аспекте можно квалифицировать как самоформатирование. «Проектирование себя», «самополагание» имеет место быть в отдельные периоды успешности и относительной стабильности. В такие моменты, собственно, и пишутся философские трактаты, на волне подъема, веры в себя и в свой образ мира. Вольно или невольно избирательное внимание к моментам успеха,

рационализации, творчества и полагания создает миф о персонализации как самопроектировании. Потому следует особо подчеркнуть: радикальная персонализация – нежданная болезнь, тяжелое и опасное жизненное испытание, которое, начавшись, уже никогда само по себе не прекратится. «Без руля и ветрил», «куда кривая выведет» – так можно охарактеризовать весь процесс в целом. Есть, несомненно, в нем и оазисы веры, творчества, успеха и стабильности, но все же их всегда окружает великая пустыня и путь идет от оазиса к оазису. Ибо каждый из них недолговечен, разрушаем вновь и вновь подступающими песками безнадежности и тоски: опять в путь.

Это «крест», пожизненный удел развитой, самоформатирующейся личности. Стихийность, неконтролируемость, *рваность* жизненного ритма, где подъемы перемежаются с глубочайшими депрессиями, характеризуют всех, даже переживших благодать религиозного обращения и даже явно титанических по запасу жизненности личностей. Подобная жизненная амплитуда не диковинка для многих, но у непрерывно проблематизирующих себя сознаний она более резка и интенсивна в своих верхних и нижних регистрах. Яркие тому примеры – Г. Марсель и Н. Бердяев.

После *conversion*, описания которого почти новозаветны: «впечатление первых шагов ... это почти рождение ... моя жизнь освещена до самых глубин прошлого и становится действительно *моей* жизнью», следует спустя год: «тоска переходит все пределы. Жизнь – кошмарный сон, пробуждение – то, что называют смертью» [4, с. 14, 19, 121].

Н. Бердяев, личность, впечатляющая по энергетике и целеустремленности, неохотно и с раздражением неоднократно упоминает о чередности своих кризисов и депрессий: «плохой период ... проза и уродство ... какой-то демон растаптывал во мне красоту, которую я так любил» [1].

Таким образом, радикальная персонализация – это достаточно редко происходящие события в жизни неординарных людей, не имеющие однозначной характеристики «хорошего» или «плохого». Это события амбивалентного значения, приносящие сильные переживания в равной степени и позитивного, и негативного характера. Последующая участь людей, переживших шторм радикальной персонализации, или «второго рождения», также различна, как и их мера влияния на окружающих. Однако каковы бы ни были подобные итоги: как «вовне» – в глазах остальных, так и «внутри» – в заключительных, всегда одновременно горестных и ностальгических констатациях самих «дваждырожденных», вряд ли кто-то сможет оспорить фатальную метафизическую красоту этих событий.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. Москва: Книга, 1991. 416 с.
2. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / Л. Витгенштейн. Томск: Водолей, 1998. 192 с.
3. Гончаров С. З. Логика мышления и аксиология сердца: монография / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 511 с.
4. Марсель Г. Быть и иметь / Г. Марсель. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.
5. Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. Москва: Республика, 1999. 559 с.
6. Толстой Л. Исповедь. Тайный дневник / Л. Толстой. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 538 с.

УДК 316.473:159.955.1:159.961

Т. А. Логиновских

T. A. Loginovskih

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

КРЕАТИВНОСТЬ СОЗНАНИЯ КАК ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

THE CREATIVITY OF CONSCIOUSNESS AS GENETIC BASIS OF SOCIAL ILLUSIONS

Аннотация. На современном этапе развития общества возникают новые явления и процессы. Существует необходимость их философского понимания и оценки. К таким явлениям относятся социальные иллюзии. Природа, типы, функции социальных иллюзий достаточно хорошо изучены. Роль генетических оснований в исследовании феномена социальных иллюзий – одна из задач данной статьи.

Abstract. At the present stage of development of society, there are new phenomena and processes. There is a need for their philosophical understanding and evaluation. These phenomena include social illusions. Nature, types, functions of social illu-

sions have been well studied. The role of the genetic basis in the study of the phenomenon of social illusions is one of the objectives of this article.

Ключевые слова: *генетические основания, сознание, продуктивное воображение, креативность, социальные иллюзии, заблуждения, реальность личности.*

Keywords: *genetic basis, consciousness, productive imagination, creativity, social illusions, delusions, reality personality.*

На современном этапе развития философского знания проблема социальных иллюзий активно исследуется в различных аспектах как в философии, так и в социологии, психологии, антропологии, аксиологии. Вопрос заключается в том, чтобы найти тот ракурс проблемы, который бы не повторялся, а имел бы новые, еще не изученные стороны, отношения в рамках объекта исследования. К таким аспектам исследования мы бы отнесли философское осмысление процесса возникновения (генезиса) социальных иллюзий, выявление сущностных, глубинных, причинно-следственных связей в понимании креативности сознания как субстанциональной основы формирования иллюзий вообще. В этот ряд категорий необходимо, на наш взгляд, включить категории творческого воображения, креативности, креативного сознания. Рамки статьи ограничивают исследовательский порыв в раскрытии этой интересной темы, но тем не менее попытаемся рассмотреть основные идеи.

В философской энциклопедии понятие «иллюзия» в переводе с латинского языка означает обман, поверхностное представление, чистую фантазию, самообман вместо трезвого взгляда на жизнь [5, с. 173]. Определений понятия «иллюзия» в научной и философской литературе огромное множество, в нашу задачу не входит их анализ, мы хотим подчеркнуть актуальность данной проблемы в современной философской литературе. Важно отметить, что уже в самом определении обозначен мировоззренческий аспект отношения субъекта к объекту, предмету, вещам, другим субъектам, миру в целом, к восприятию мира. А восприятие мира – процесс сложный, многоуровневый, детерминированный как объективными, так и субъективными факторами, историческими, социальными, психологическими, политическими событиями и процессами.

К генетически исходным основаниям появления иллюзий прежде всего мы бы отнесли воображение как сущностный элемент ментального, обладающего творческой природой. В немецкой классической философии ведущее место в осмыслении продуктивного воображения, как известно,

принадлежит И. Канту. Напомним, что великий немецкий философ выделяет три субъективных источника знания: чувство, воображение и апперцепцию. Все они суть априорные понятия, делающие возможным эмпирические начала. И. Кант дает содержательную характеристику каждому из них и подчеркивает, что априори может происходить только продуктивный синтез воображения, составляющий основание возможности всякого знания, в особенности опыта [4].

Философ обозначил синтез многообразного в воображении как трансцендентальное, если он априори направлен на связь многообразного и это есть чистая форма всякого возможного познания. Воображение – это деятельная способность синтеза многообразного, но для схватывания этого многообразного, которое сводится в один образ, необходимо субъективное основание для того, «чтобы душа, переходя от одного восприятия к другому, вызывала вновь предыдущее восприятие, связанное с последующим, и таким образом создала целые ряды представлений» [4, с. 651]. Воображение, как утверждает И. Кант, есть способность априорного синтеза, поэтому мы называем его творческим воображением. Чувственность и рассудок должны быть связаны между собой посредством трансцендентальной функции воображения. В первоначальных источниках познания нашей души, по мнению И. Канта, существуют субъективные основания такого единства, и в то же время эти субъективные условия имеют объективную значимость: мы сами вносим порядок в природу.

По мнению И. Канта, синтез продуктивного воображения априорен, потому что воображение производит идеальный предмет, формируя материал чувственности. Для нас очень важным является акцентирование И. Кантом идеальности предмета, так как социальные иллюзии – это прежде всего образ бытия.

Профессор С. З. Гончаров замечает, что «априорность синтеза продуктивного воображения состоит в том, что эмпирический предмет помещается в поле однородного пространства и времени, сбрасывает свои чувственные модальности, единичные эмпирические черты и выступает исходным материалом для продуктивного воображения. Продуктивное воображение перерабатывает этот материал таким образом, что порождает способ духовного производства предмета. Этот способ закрепляется в форме правил последовательных действий конструирования идеального предмета. Правило становится “по-ятием” (понятием) предмета. Поскольку идеальный предмет произ-

веден из однородного начала – однородной деятельности “я”, без чувственного материала, то он выступает как однородный “микроидеал” для класса эмпирических предметов; задает “поле восприятия” и определяет “разрешающую способность” интеллектуальной оптики созерцания реальности. Если понятие в актах восприятия наполняется ощущениями, то субъект осознает такое соединение как реальный предмет» [3, с. 40].

Другой исследователь философского наследия Канта С. Н. Мареев замечает, что «...только воображение может соединить “материю” нашего опыта и априорные формы нашей субъективности. Поэтому здесь воображение оказывается не за скобками логического движения, а оно входит в самое логическое движение, становится его формой и опорой. И как раз здесь исходный пункт классических представлений о деятельной природе человеческого познания» [6, с. 133–134]. И далее автор продолжает: «синтез невозможен без воображения, как невозможна без него никакая целесообразная деятельность вообще. Синтез предполагает, что результат деятельности должен быть дан раньше самой деятельности. А потому его можно только вообразить. Воображение по своей природе синтетическая и деятельная способность» [4, с. 135]. Речь идет о продуктивном воображении трансцендентального субъекта как «мозга» всего человечества, которому принадлежат априорные формы. Индивидуальный субъект, приобщаясь к этому «мозгу», не только приобщается к культуре, но и развивает различные формы духовной культуры. Позиция И. Канта и комментарии современных исследователей его философского творчества, по нашему мнению, содержат ответ на вопрос о генетических основаниях иллюзий как идеальной форме продуктивного воображения, априорной природе иллюзий.

Итак, продуктивное воображение как априорная форма синтеза эмпирического опыта и человеческой субъективности выступает генетически исходным основанием социальных иллюзий. И, по нашему мнению, социальные иллюзии являются априорными формами всякой субъективной деятельности.

В рамках рассматриваемой проблемы интересной и плодотворной является идея метафизики креативности. Понятие «креативность» (от англ. *creative* – творческий) означает не только творческое, созидательное начало, но и реальное воплощение творческого процесса в общеинтересный и полезный продукт [2]. По мнению профессора В. А. Яковлева, креативность выступает как априорная (трансцендентальная), т. е. первичная, ни от чего не зависящая функция, которая порождает все структуры. И самые первые,

базисные, структуры тоже носят априорный характер по отношению ко всем остальным, последующим: «в самом общем виде можно сказать, что это такие метафизические принципы (принципы всех принципов), как “архэ”, взаимодействие, причинность, космоустройство и другие. Они открываются, а не изобретаются» [9, с. 47]. Платон стал одним из основоположников различных метафизических программ творчества.

С точки зрения профессора В. А. Яковлева, наука как наиболее рациональная форма духовного опыта социума имеет основные структурные элементы творческого процесса, которые могут быть экстраполированы на другие сферы культуры. К таким структурным элементам относятся проблемная ситуация, которая является как бы исходным контекстом, средой, где потенциально (диспозиционно) сосуществуют самые разные варианты ее дальнейшего состояния и развития, проблемное событие как возможный вероятностный фактор. Креативная ситуация характеризуется нарастанием и ускорением темпов развития «избранного» варианта, повышением его степени организации (негоэнтропийности); рождение новации, переход новации в инновацию знаменуют резонансный процесс утверждения новации; традиция как закономерность означает неизменность, эталонность, непоколебимость новации на определенном отрезке времени; проблемная ситуация завершает цикл креативного акта [9].

Мы можем сделать вывод, что феномен креативности является важнейшим философско-мировоззренческим основанием для понимания генетических истоков иллюзорности как формы идеальной субстанции.

Для понимания сущностных свойств социальных иллюзий важнейшим является рассмотрение категории сознания, без которой феномен креативности будет недостаточно полно раскрыт. Наша задача – расставить акценты в контексте генетических оснований социальных иллюзий. Поэтому мы обратимся к современным исследованиям по проблемам сознания в рамках заданной темы.

Так, некоторые авторы утверждают, что новация в интерпретации сознания состоит в том, что понятие сознания все чаще употребляется в физических теориях, начиная с так называемой многомировой концепции, представленной в работах Х. Эверетта, Дж. Уилера, Б. де Витта. Допускается существование бесконечного числа классических миров. Наблюдатель осознает один из миров, и это объясняется как бы расщеплением его сознания. Автор этой концепции ссылается на работы М. Б. Менского, который пред-

лагает рассматривать мозг как квантовую систему, а сознание как акт «осознания», выбора альтернативы при измерениях квантовой системы [5]. Эти рассуждения приводятся для того, чтобы констатировать креативную сущность сознания, определить сознание как высшую форму реализации креативного потенциала универсума. Благодаря креативному потенциалу, присущему всему универсуму, каждый объект этого универсума, включая мозг, обладает определенной информационной емкостью, которая как раз объединяет сознание, макро-, микро- и мегамиры в одно целое.

Для нас существенным в контексте рассуждений автора является констатация универсальности и атрибутивности креативных свойств сознания, ибо только креативность как творчество и созидание способно рождать новые идеальные образы и формы, наполненные различными социальными смыслами. Каково содержание этих идеальных образов, что в них конструктивного, положительного и что деконструктивного, ведущего к неадекватному восприятию мира, к неправильному решению проблем, а следовательно, к разочарованию, моральному, нравственному, психологическому, душевному надлому и духовному пессимизму? Попытаемся ответить на этот вопрос и тем самым приблизимся к рассмотрению главного вопроса о сущности социальных иллюзий.

По мнению некоторых авторов, например, Л. В. Шукшиной [8], социальные иллюзии – экзистенциальная ценность, имеющая когнитивный, эмоциональный, этнокультурный инварианты. Социальные иллюзии формируют систему истин-заблуждений, благодаря чему способствуют приспособлению личности к реальности в любой социальной среде.

Нам представляется плодотворным определение социальных иллюзий, представленное Л. В. Шукшиной, как формы необходимой гипотезы человека о жизни и меры того, насколько эта гипотеза оказывается востребованной жизнью. Но гипотезы занимают свое место в развитии сознания и деятельности человека, и если их доля увеличивается, то это приводит к деформации личности и социальной практики.

Социальные иллюзии всегда организованны, контролируемы, действительны, упорядоченны. В этом заключается их функциональная особенность. Выделяют следующие функции социальных иллюзий:

- 1) мультипликационную – социальные иллюзии выступают как средство социально-политического обращения, вызывая и стимулируя по мере своего появления изменения, исчезновения, смену различных идей, парадигм, целей, средств, методов деятельности;

2) идентификационную – эта функция дает возможность различным социальным и институциональным субъектам действовать методом проб и ошибок, осуществляя отбор наиболее «живучих» и эффективных идей, ценностей, способов, средств;

3) ориентационную – социальные иллюзии связаны с идеологическими, политическими, правовыми, управленческими процессами и являются важными ориентациями социальных субъектов, институтов, организаций, придают направленность их действиям;

4) манипуляционную.

Существует точка зрения, что ориентационная функция неосуществима, если социальные иллюзии не используются как средство воздействия на те или иные слои, на массы путем внушения им, что различные идеи, действия, мероприятия необходимы, полезны и соответствуют прямо или опосредованно их интересам, хотя в действительности это не так [1].

Социальная иллюзия может выступать мысленным эквивалентом бытия как феноменологическая модель осмысления деятельности человека. По своей природе иллюзия является философской категорией, потому что восходит к предельным основаниям деятельности сознания и жизни культуры. Не случайно к генетическим основаниям социальных иллюзий мы относили предельные основания деятельности сознания, а именно: креативность сознания, творческое воображение, социокультурную детерминацию сознания.

На основании анализа некоторых представлений о социальных иллюзиях можно сделать вывод, что данный феномен – сложное, структурированное духовное образование, в основании которого находится заблуждение, то есть неосознанное возведение истины в ложь. Но, по нашему мнению, социальные иллюзии нельзя сводит только к заблуждениям. В них есть элемент желаемого, ожидаемого идеала в мысленных формообразующих структурах, отражающих социальный реальный мир и мир индивидуальный, мир повседневной реальности со всеми его противоречиями и парадоксами.

По нашему мнению, можно дать следующее определение: социальные иллюзии – это образы бытия, возникающие в процессе практического опыта, деятельности, познания человеком мира, в содержании которых находятся неадекватные представления человека о мире, обществе, о себе

самом. Неадекватные представления – это представления, не соответствующие, не соразмерные вещам, объектам, реальным фактам и событиям, не согласующиеся с ними. В основе неадекватных представлений находятся заблуждения как мысли или ход мыслей, относительно которых хотя и существует уверенность, что они правильны, тем не менее они не соответствуют истине, фактическим обстоятельствам, предметам. Эти представления можно назвать материальной ошибкой. Существует еще и формальная ошибка, когда представление или мысль не соответствуют или противоречат логическим законам.

Источниками заблуждений могут быть предубеждение, несовершенство умственных способностей, поспешность, недостаток энергии, сосредоточенности или устойчивости мышления, недостаточный познавательный материал, субъективные настроения, пристрастия, беспорядочная обработка информации, плохое знание источников, ошибки, опрометчивые обобщения [5]. Такая полифония источников заблуждений, а значит, и социальных иллюзий свидетельствует о многообразии форм, видов реальностей, в которые погружен человек, где он познает, действует, переживает, сопереживает, проектирует свой собственный субъективный мир и мир социальный. И весь ряд этих процессов есть результат творчески-креативной природы человеческого сознания, его деятельности и созидания.

Так, В. С. Мухина в своей работе приводит классификацию бытия личности, которая включает: реальность предметного мира, образно-знаковых систем, социально-нормативного пространства, природную реальность, реальность внутреннего пространства личности [7]. Такое многообразие реальностей бытия личности свидетельствует в контексте нашей темы о многообразии образов, форм, типов, моделей социальных иллюзий, отражающих сложную структуру бытия личности.

Подведем итоги вышесказанному:

1. Социальные иллюзии представляют собой проблему философии определенные аспекты которой недостаточно полно и глубоко изучены, среди них – вопрос о генетических основаниях социальных иллюзий.

2. В результате размышлений мы пришли к выводу, что социальные иллюзии – продукт креативности сознания, тех ее форм, которым априори присуще творчески-креативное начало. По нашему мнению, такой формой является воображение.

3. На основании обзора научной литературы мы пришли к выводу о полифонии определения социальных иллюзий и предложили свой вариант определения.

4. Сложность и многообразие форм социальных реальностей и реальностей бытия личности демонстрируют двойственность восприятия и понимания этих реальностей, скрытых или явных иллюзий, заблуждений, ошибок, возникающих в процессе практического и духовного освоения мира. Мир предстает как единство реалистического и иллюзорного в системе целостного духовного опыта личности. Задача философии заключается в осмыслении различных сторон и аспектов данной проблемы.

Список литературы

1. *Беленький В. Х.* Социальные иллюзии: опыт анализа / В. Х. Беленький // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 113–115.

2. *Гончаров С. З.* Креативные основы понимания субъектности в аспекте инновационного стиля жизни / С. З. Гончаров // Ценностные и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности: материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 10–11 дек. 2008 г. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 594 с.

3. *Гончаров С. З.* Логика мышления и аксиология сердца / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 512 с.

4. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. Москва: Эксмо, 2006. 646 с.

5. *Краткая философская энциклопедия* / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. Москва: Прогресс, 1994. 576 с.

6. *Мареев С. Н.* Воображение и логика у Канта / С. Н. Мареев // Философия Канта в критике современного разума: сборник статей. Москва: Русская панорама, 2010. 430 с.

7. *Мухина В. С.* Личность: мифы и реальность: альтернативный взгляд, системный подход, инновационные аспекты / В. С. Мухина. Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. 1072 с.

8. *Шукшина Л. В.* Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореферат диссертации ... доктора философских наук [Электронный ресурс] / Л. В. Шукшина. Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a234.php>.

9. *Яковлев В. А.* Метафизика креативности / В. А. Яковлев // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44–56.

Н. Н. Остапенко, Л. П. Ситяева

N. N. Ostapenko, L. P. Sityaeva

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

SOCIAL MISSION OF MODERN EDUCATION: CREATING THE INTEGRITY OF THE PERSON IN THE CONTEXT OF INFORMATION TECHNOLOGIES

***Аннотация.** В качестве «вызова» рассматриваются новые информационные технологии, требующие от социума адекватного «ответа» посредством образовательной системы, миссия которой заключается в формировании целостности личности.*

***Abstract.** In the present article authors consider as «challenge» the new information technologies demanding from society of adequate «responce» by means of educational system, which mission consisting in formation of integrity of the personality.*

***Ключевые слова:** миссия современного образования в информационном обществе, целостность личности, объективные и субъективные основания целостности личности.*

***Keywords:** mission of modern education in information society, integrity of the personality, objective and subjective bases of integrity of the personality.*

Настоящая статья, как и сборник в целом, – дань памяти Сергею Захаровичу Гончарову, с которым более трех десятилетий нас связывали деловые и товарищеские отношения, научные интересы, совместные профессионально-творческие замыслы. Сергей Захарович был и остается для нас носителем истинной философской культуры, обладающим редкой способностью облекать вызовы современной эпохи в философский дискурс.

Проблемы, рассматриваемые в настоящей статье, обусловлены становлением информационного общества, суть которого – превращение информации в один из самостоятельных видов общественного производства на основе новых информационных технологий (ИТ). Следует подчеркнуть,

что это революционное изменение не является эпифеноменом, а напротив, кардинально меняет все сферы общественной жизни, и прежде всего бытование самого человека.

В новом социокультурном контексте социализация человека приобретает качественно иной характер, что с неизбежностью требует изменения системы образования, которая, являясь всегда ангажированной обществом, выполняет социальный заказ по воспитанию и обучению будущих поколений. Информационная лавина ускоряет социальное время и покрывает социальное пространство. Поэтому особенностью современного этапа развития информационного общества является становление нового миропонимания, мироощущения и мировосприятия человека, которые открывают новые горизонты перед личностью.

Изменения, характеризующие постиндустриальное общество, могут быть осмыслены через призму закона «вызова и ответа» (англ. *challenge and response*), сформулированного британским историком и философом А. Тойнби. Согласно этой закономерности историческая ситуация ставит перед обществом проблему («вызов»), а оно дает вариант решения («ответ»), от адекватности которого зависит дальнейшее развитие социума, как считает А. Тойнби [4].

В контексте нашей статьи в качестве «вызова» выступают новые ИТ, требующие от социума адекватного «ответа» посредством образовательной системы. Поэтому миссия современной образовательной системы заключается в поиске такого «ответа», который предусматривал бы и решение образовательной сверхзадачи – сохранение целостности личности.

Обратимся к теоретическому осмыслению понятия «целостность личности» на основе метода системного анализа в рамках антропологического подхода. В философской антропологии конца XX – начала XXI вв. проблема целостности человека актуализируется в контексте изучения постиндустриального общества. Следует отметить, что в научной литературе нередко наблюдается отождествление категорий «целостность» и «цельность». Эти понятия несут разную смысловую нагрузку, поэтому их смешение является некорректным. Достижение цели, согласно Г. В. Ф. Гегелю, «есть внутри самой себя побуждение к своей реализации» [1, с. 257], другими словами, только целостность, обладающая целесообразностью и целеустремленностью, способна достичь цели, т. е. быть цельной.

Вся история становления антропологического знания свидетельствует о том, что дать законченное определение целостности человека, учиты-

вая одну его сущностную характеристику, невозможно. Поэтому в антропологии XX–XXI вв. утвердился и развивается подход к определению человека в его целостности исходя из системы связей и отношений, в которых он существует и реализуется. Природная, социальная и духовная сферы бытования человека соответствуют его телесности, социальности и духовности. Эти ипостаси находятся в диалектическом взаимодействии и составляют части целостности человека [2]. Системный подход в своем фундаментальном положении утверждает, что целое несводимо к сумме частей, так как оно есть новое качественное образование. Любое изменение одной из ипостасей влечет за собой утрату человеческой целостности.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы, выступающие методологическими ориентирами для дальнейшего анализа.

1. Объективные основания целостности человека соотносятся с субъективными характеристиками его целостности.

2. Под объективными основаниями понимаются те связи и отношения, в которых человек бытийствует (природная, социальная, духовная сферы).

3. Субъективными основаниями являются сущностные ипостаси человека, которые реализуются в вышеназванных сферах (телесность – социальность – духовность).

Исходя из заявленной темы, было бы весьма продуктивным рассмотреть эти методологические положения целостности человека применительно к проблеме формирования целостности личности в образовательном пространстве информационного общества. Объективным основанием целостности личности выступает социум, во все сферы и связи которого она включается как полноценный и полноправный субъект общества. И в этом процессе социализации и формирования целостности личности главную роль играет образование. Субъективным основанием целостности личности выступают ее сущностные характеристики: сознание, деятельность, отношения.

Рассмотрим, как интеллектуальный, волевой и чувственно-эмоциональный уровни сознания изменяются под воздействием ИТ в процессе образования.

Сразу оговоримся, что авторы далеки от игнорирования поистине фантастических возможностей, которые открывают ИТ для обучения. В то же время практика их применения в образовательном процессе выявляет негативные тенденции, представляющие угрозу формированию целостности личности.

С одной стороны, информационная насыщенность знания благодаря современным технологиям, безусловно, интенсифицирует и расширяет гра-

ницы познавательной деятельности личности (проведение дистанционных конференций, олимпиад, онлайн-консультаций, функционирование «открытых площадок» и др.), обеспечивает доступ практически каждому желающему к знанию, интеллектуальному богатству социума (например, проекты «Академия», «Живое слово», мастер-классы, обучающие программы на ТВ-канале «Культура»).

Однако не следует впадать в эйфорию, ибо современная практика свидетельствует о наличии тревожных тенденций, суть которых выражается понятием «информационный взрыв». Стремительный рост информации, легко доступной через ИТ, ведет к дисбалансу между ее объемом и возможностью осмысления. Развитие интеллектуальной сферы личности «сопряжено с трудом, напряженным логико-аналитическим процессом по усвоению причинно-следственных связей, сущности и явлений, формы и содержания, случайности и необходимости и др., отражающих логику объективного мира. Это и определяет суть познания, в результате которого формируется самостоятельность, критичность, логичность мышления и достигается новое знание» [3, с. 188].

Неумение обучающихся ориентироваться в информационной среде приводит к отказу от сложной, содержательной информации в пользу поверхностной, случайной. Возникает иллюзия, что личность, погруженная в информационный хаос, приобщается к новым знаниям, хотя очевидно, что информация и знания не одно и то же. Практика извлечения из Интернета нажатием кнопки докладов, рефератов, курсовых и дипломных проектов распространяется, как эпидемия, отнюдь не способствуя интеллектуальному развитию.

В последнее время педагоги обращают внимание на такую опасность, как экзудия: ИТ подменяют ранее сформированные знания, навыки, умения, что ведет к их угасанию (например, грамотности, устного счета и речи, каллиграфии, долговременной памяти). Непосредственное общение в формате «учитель – ученик», «преподаватель – студент» заменяется «диалогом с компьютером», что нарушает взаимосвязь речи и мышления. Обучающиеся, лишённые практики «живого» общения, имеют клиповое мышление, «бедный» лексикон, не способны аргументировать свою точку зрения в споре с оппонентом.

Волевой уровень личности в образовательном пространстве под воздействием ИТ также претерпевает определенные изменения. Известно, что воля формируется и проявляется в процессе деятельного освоения мира. С одной стороны, позитивным фактором является возможность субъекта

приобщиться к достижениям современников, «сделавших» себя благодаря освоению новых специальностей и собственным волевым устремлениям. В частности, это наглядно проявляется в успешной профессиональной карьере специалистов в области ИТ.

С другой стороны, наблюдается утрата волевых качеств личности в процессе обучения. Неконтролируемое, чрезмерное навязывание ИТ вопреки возрастным особенностям обучаемых ведет к тотальному погружению в виртуальный мир. Негативные последствия этого проявляются в безволии, неспособности к действиям, уходе от реальности, а в конечном счете в неосвоении социального опыта, дезориентации в социальном пространстве.

Явно выраженным изменениям под воздействием ИТ в сфере образования подвержен чувственно-эмоциональный уровень личности. Чувства и эмоции проявляются в отношениях и оценках участников образовательного процесса. С одной стороны, ИТ дают широкие возможности обучаемому эмоционально приобщиться к опыту других, пережить свой и чужой успех в образовательном процессе, выступают средством выражения эмоциональных оценок (во всем спектре: от восхищения до негодования) по поводу новых курсов, программ, предлагаемых источников обучения, отношений к однокурсникам и даже к педагогам.

С другой стороны, игнорирование того факта, что ИТ – это только одно из средств обучения, и возведение его в абсолют ведут к эрзац-общению, утрате эмпатии, примитивизации эмоций и чувств. Субъекты обучения, лишённые практики социального общения, испытывают острое чувство одиночества. Известно, что в период становления личности потребность в непосредственном общении является одной из важнейших. Современная образовательная среда не предлагает эффективные формы живого общения, более того, утрачивается коллективный характер образовательной среды. Как следствие этого, под прямым и косвенным воздействием ИТ меняется сущность общения, которое вытесняется в виртуальную сферу, превращаясь в квази-общение. Конструируя свой образ в контактах, где ограничением является только собственная фантазия, можно найти коммуникативного партнера, выплеснуть эмоции, в том числе в ненормативной форме, обрекая себя на эрзац-общение и иллюзию ухода от одиночества.

Такая практика, становящаяся нормой, не так безобидна в нравственном отношении, как кажется на первый взгляд. Подрастающее поколение тем самым реализует принцип «казаться, а не быть», разрушающий цело-

стность личности, парализующий ее волевые усилия по саморазвитию, самосовершенствованию, самовозрастанию.

В заключение хотелось бы отметить, что миссия современной системы образования по формированию целостности личности в условиях информационного общества не реализуется в полной мере. Главную причину этого педагогическое сообщество видит в том, что попытки реформирования системы образования, предпринимаемые в последние десятилетия, не ориентированы на выполнение подобной миссии.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 799 с.

2. Гончаров С. З. Всеобщее и особенное в естественных и социально-гуманитарных науках / С. З. Гончаров // Гуманитарное образование в креативно-антропологическом измерении: сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 19–20 нояб. 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. С. 6–15.

3. Остапенко Н. Н. ИТ и образование: проблемы национальной безопасности / Н. Н. Остапенко, Л. П. Ситяева // Новые информационные технологии в образовании: материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15–18 марта 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. С. 187–190.

4. Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. Москва: Рольф, 2001. 640 с.

УДК 37.032

Л. Э. Панкратова

L. E. Pankratova

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ

FORMATION OF EMOTIONAL CULTURE OF THE STUDENTS

Аннотация. Анализируется понятие «эмоциональная культура» и его составляющие, рассматриваются вопросы формирования эмоциональной культуры у современных студентов.

***Abstract.** The article examines the concept of «emotional culture» and its components, discusses the formation of emotional culture of modern students.*

***Ключевые слова:** эмоциональная культура, психологическая культура личности, культура эмоций.*

***Keywords:** emotional culture, psychological culture of the personality, the culture of emotions.*

В современном технократическом обществе, основанном на использовании информационных технологий, преобладающая роль отводится рациональным составляющим человека, его разуму. Человек – это прежде всего рациональное существо, разум – главное качество, отличающее нас от животных. С такой аксиомы начинается большинство учебников по обществознанию, социальной антропологии, социологии, педагогике. Образовательные системы исходят из этого же убеждения. Главными школьными дисциплинами считаются те, которые развивают рациональные составляющие человеческой психики: математика, русский язык, история, физика, химия, но не музыка и физическая культура. Развитие ребенка в плане чувств, эмоций, способности сопереживать и адекватно выражать свои эмоции не является для современных родителей задачей воспитания и образования и даже не осознается как потребность.

Интеллектуальному развитию ребенка родители, педагоги уделяют огромное внимание, но проблемы эмоционального развития считаются вторичными, неважными для будущей жизни человека. Данный перекоп сказывается на психическом здоровье личности. Неумение грамотно выражать свои эмоции приводит к зажатости, неуверенности в себе, подавленности, агрессивности, затруднению в общении, замкнутости, одиночеству, конфликтам, равнодушию, фрустрации и т. д. Например, взрослые из благих намерений стараются защитить ребенка от негативных проявлений жизни, исходя из того, что хрупкая детская психика может быть травмирована сильными негативными переживаниями. Соприкосновение ребенка с такой стороной бытия, как смерть, может покалечить незащищенную, ранимую психику, привести к фобиям и т. д. – вот ключевое убеждение большинства представителей мира взрослых. Однако традиционная народная культура выработала свои проверенные веками способы психологической адаптации к смерти человека. Религиозные обряды во многом базируются на этом опыте. Это определенные специфичные для каждой культуры похоронные церемонии, ритуалы, позволяющие принять, пережить факт смерти близкого.

Такие психоаналитики, как А. Фрейд, утверждают, что обряд похорон – это вид помощи человеку, вид социальной поддержки. Горевание де-

тей проходит иначе, чем горевание взрослых. Оно зависит от возраста ребенка, стиля воспитания, отношения с матерью, исторического, этнографического и религиозного контекста. Горевание – это процесс адаптации человека, поэтому культура горя является важнейшей составляющей общей культуры человека.

Достаточно распространенный факт современной культуры, когда человек не может социально приемлемыми и одобряемыми способами выразить сочувствие тому, кто потерял близкого. Старые культурные традиции утрачены, новым человек не обучен. Можно предположить, что для современной культуры вообще характерно избегание всего, что способно сильно, глубоко, по-настоящему задеть, затронуть эмоции, вызвать сильные переживания. Функция самозащиты у современного человека и в современной культуре превалирует. Оберегание ребенка от воздействия сильных эмоциональных переживаний (как позитивных, так и негативных) приводит к растущей тенденции инфантилизации психики современной молодежи.

Зачастую эмоциональная культура сводится к умению сдерживать негативные эмоции, подавлению негативных переживаний. Это приводит к внутриличностным конфликтам и сказывается на психологическом здоровье личности. Психологи сходятся во мнении, что эмоциональная культура – это целостная характеристика личности, предполагающая умение распознавать эмоции и управлять ими в процессе взаимодействия.

Такие авторы, как Р. М. Давлетшина, А. Г. Маджуга, считают, что эмоциональная культура – это и свойство личности, и готовность к управлению эмоциями [1]. Они выделяют следующие компоненты эмоциональной культуры: когнитивный (эмоциональная компетентность, основой которой является эмоциональный интеллект), аксиологический (активная позиция субъекта по отношению к эмоциям), мотивационно-смысловой (учет эмоционального состояния как собственного, так и окружающих в качестве регулятора поведения и социального взаимодействия субъекта) и конативный (поведение, направленное на регуляцию собственных эмоциональных состояний и помощь в этом окружающим, владение соответствующими приемами на уровне навыка). Близкое по смыслу определение мы находим у Г. Н. Казанцевой: «...под эмоциональной культурой мы понимаем способность осознания субъектом собственных и чужих эмоций, ценностной дифференциации эмоциональных состояний и на этой основе эмоциональной саморегуляции деятельности и общения» [2]. Автор при-

держивается контекстного подхода в психологии, предполагающего, что передача информации студентам в процессе обучения должна проходить через систему личностных индивидуальных смыслов, различных контекстов, затрагивать эмоциональную сферу личности.

Кроме психологических исследований можно отметить исследования антропологов, занимающихся проблемой культурных отличий в выражении эмоций в различных этносах (М. Мид, Д. Мацумото, П. Экман, У. Фризен). Многочисленные кросс-культурные исследования показывают, что биологически врожденные способы выражения эмоций накладываются на определенные культурные нормы и правила, обуславливающие соответствующие эмоциональные выражения.

Компетентностный подход предполагает не только формирование интеллектуальной составляющей будущего профессионала, но и развитие таких качеств, как коммуникабельность, эмпатия, умение выбрать правильную стратегию в конфликтной ситуации, заниматься профилактикой профессиональных деформаций, успешно взаимодействовать в коллективе и т. д. Эти навыки и умения косвенно связаны с развитием у студентов эмоциональной культуры. Особенно это касается студентов, чья деятельность будет связана с людьми: социальных работников, педагогов, психологов. Незрелость эмоциональной культуры приводит к отсутствию адекватных способов выражения сильных чувств и эмоций: студентам не хватает лексики (даже жаргонной) для их описания. Сильное эмоциональное воздействие приводит зачастую к «неряшливому выплеску эмоций» именно потому, что молодой человек не умеет показывать свои чувства по-другому, социально адекватным способом, и не знает, как это сделать.

Существующие сегодня модели формирования эмоциональной культуры студентов должны быть ориентированы и на умение социально приемлемым способом выражать свои субъективные реакции, и на формирование защитных механизмов, помогающих саморегуляции личности. Предлагаемый преподавателем учебный материал должен эмоционально затрагивать студента, вызывать отклик в его душе. Студент должен вербально и невербально проявлять активную позицию к своим эмоциям, уметь интерпретировать эмоции окружающих. Чтобы теоретические знания стали частью внутренней культуры специалиста, необходимо задействовать психоэмоциональные компоненты структуры личности. Это возможно осуществить через просмотр и обсуждение художественных и документальных филь-

мов, книг, статей, спектаклей, других произведений искусства, ставящих перед человечеством «вечные» вопросы. Применение метода кейс-стади, обсуждение ситуативных задач, решение проблемных ситуаций также будут способствовать формированию эмоциональной культуры студентов.

Список литературы

1. Давлетшина Р. М. Эмоциональная культура как фактор активизации здоровьесозидающего потенциала личности [Электронный ресурс] / Р. М. Давлетшина, А. Г. Маджуга. Режим доступа: http://onto.ru/public/publications/meneghetti_2012/davletshina.

2. Казанцева Г. Н. Роль эмоциональной культуры преподавателя в воспитании личности студентов: контекстный подход [Электронный ресурс] / Г. Н. Казанцева. Режим доступа: <http://psibook.com/articles/rol-emotsionalnoy-kultury-prepodavatelya-v-vozpitanii-lichnosti-studentov-kontekstnyy-podhod.html>.

УДК 338.22.021.4

А. Л. Попов

A. L. Popov

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург*

*The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

Е. В. Попова

E. V. Popova

*ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-
педагогический университет», Екатеринбург*

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ОСНОВА КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

AN INFORMATION TECHNOLOGICAL TRAINING AS THE BASIS OF THE COMPETENCE OF THE MODERN MANAGER

Аннотация. Анализируются информационные технологии как важнейшая составляющая компетентности молодого руководителя, определяется роль тео-

рии управления для принятия квалифицированных решений, рассматривается информационно-технологическая подготовка в вузах как основа формирования конкурентоспособного управления организацией.

Abstract. *The authors analyze the information technologies as an important component of the competence of the young leader; the role of management theory for making qualified decisions is determined; the information technology training in higher education institutions is considered as a basis for the formation of competitive management of the organization.*

Ключевые слова: *информационные технологии, управление, молодой руководитель, компетентность руководителя.*

Keywords: *information technologies, management, young leader, competence of the leader.*

Экономика как хозяйствование, регулирование, нормирование производства, доставки, потребления товаров (услуг), как социальное явление развивается уже достаточно долго. При этом собственно финансово-экономические составляющие общественных отношений совершенствовались от столетия к столетию, и особенно интенсивно в последнее время (например, стали доступны электронные платежи, поиск товаров, услуг через Интернет). Применительно к субъекту экономических отношений – «человеку управляющему» – возникает двойкая ситуация: с одной стороны, люди глубоко физиологически во многом все те же, что были раньше, с другой стороны, условия организации их управленческой деятельности интенсивно меняются. Где искать выход в связи с нарастающим дисбалансом? Как еще в вузе привить будущему руководителю способность эффективно адаптироваться к новым условиям?

Выход существует. В частности, все шире в различных областях деятельности применяют формальные методы, позволяющие в виде поведенческих алгоритмов использовать накопленный человечеством опыт организации управления (об этом более детализированно, с философской точки зрения [7, с. 25–26]). Этому сегодня во многом способствует и развитие информатики, компьютерных (аппаратных, коммуникационных) технологий. Поначалу жизнь, казалось, усложнялись в связи с внедрением компьютеров, так как техника была еще несовершенна, а применяемые технологии находились «в зачаточном состоянии». Сегодня ситуация иная: информационные технологии стали средством повышения производительности труда в разных социальных сферах, в том числе в управленческой деятельности.

Исторически уже очень давно на уровне личного, семейного хозяйства периодически заслуживала внимания экономическая задача управления ресурсами (финансами) по видам деятельности на планируемый период. Быть хорошим экономистом и сегодня означает эффективно (оптимально) управлять в динамике времени ограниченными ресурсами (ценами на продукцию). И в целом актуальной становится задача объективно оценить имеющийся опыт приложения формальных методов на практике, качественно систематизировать его и применять адекватно накопленному историческому опыту в форме логически обоснованных и широко апробированных на практике управленческих методик, в том числе в разных областях человеческой деятельности, адекватно отслеживаемым, накапливаемым данным предыдущих периодов по аналогичным ситуациям [7]. Поставленный вопрос особенно актуален для молодого руководителя как промышленного предприятия, так и любой другой организации, когда «эффективный руководитель учитывает в своей работе ситуационные различия и действует с опережением – предвидя будущее и готовясь к нему» [8, с. 5]. На предприятии (в организации) молодым считают руководителя в возрасте до 30–35 лет, предоставляя ему возможность не только развивать управленческие компетенции и повышать квалификацию, но и участвовать в молодежных соревнованиях различной направленности, в том числе в конкурсе «Молодежный лидер» в номинации «Молодой руководитель» [10]. В первую очередь молодого руководителя организации «встречают по одежке»: он должен быть компетентен в употреблении понятий, желательны и терминов, связанных с применением информационных, компьютерных технологий, определяющих во многом и уровень его конкурентоспособности. Ошибки, даже неточности такого рода, связаны, как правило, с выбором стратегии, и могут стоить дороже, чем ошибки, возникающие, например, при совершенствовании фрагментарных составляющих в принципе приемлемых управленческих решений. Сегодня экономические знания востребованы на практике и обособленно, и в контексте соответствующих приложений информационных технологий. В частности, важным является адекватное восприятие понятий «информация», «данные», в том числе в форматах экономических ресурсов, важных составляющих процессов повышения производительности труда. Особого внимания заслуживают современные средства улучшения экономического управления с помощью

применения стандартизованного программного обеспечения, его типовых и эксклюзивных настроек и сопровождающего обучения. По существу необходим ответ на вопрос: почему и как всем уже понятное «СУБД» (системы управления базами данных) в вузах меняют на не всем еще пока понятное «ИС» (информационная система)?

Изначально термин «информация» применялся для обозначения сведений, передаваемых между людьми устно, письменно или другими способами. С XX в. информация – это уже общенаучное понятие, характеризующее обмен сведениями и между людьми, и между людьми и «автоматами» (автоматическими преобразователями информации), и между «автоматами». В последнее время это понятие стали применять и для описания некоторых природных процессов, происходящих без участия людей. Так, понятие «информация» используется в обществе для характеристики продолжающегося развиться обмена сигналами в животном, растительном мире, генетического наследования и т. п. В целом понятие «информация» связано с особыми материальными процессами. Например, устная речь для говорящих и слушающих людей сопровождается соответствующими физическими явлениями, химическими реакциями, протекающими в определенное время и в определенном месте материального мира. Заметим: подобно выделяемые природные процессы характеризуются людьми как информационные лишь в сфере человеческого восприятия и представляют интерес лишь для людей. Таким образом, «информация» аккумулирует и объективные, и субъективные аспекты человеческого познания, применения накапливаемых знаний как полезной на практике информации, в частности, в такой конкретной предметной области, как «экономическая информация» [6].

В настоящее время понятие «информация» принято употреблять применительно к информатике – науке об информационных (компьютерных) технологиях, непосредственно связанной с автоматизацией человеческой управленческой деятельности. Информатика изучает обособленно структуру и общие свойства информации (данных), а также вопросы ее сбора, хранения, поиска, переработки, преобразования, распространения и использования в различных сферах человеческой деятельности. Интерес к информационным приложениям в обществе растет. С помощью соответствующих материальных процессов удастся передавать полезный опыт, в частности, опыт управления в повторяющихся ситуациях определенного вида (при возоб-

новляемых похожих условиях). Такого рода событиями жизнь в обществе весьма насыщена. Указанное выше выделение стандартных этапов во многом обусловлено потребностью повышения производительности человеческого труда при оперировании понятием «информация». В свою очередь, иницируется и развитие более узких предметных научных областей, например, экономики, где полезная информация в целом может выступать в качестве экономического ресурса, являться существенной составляющей процесса повышения производительности труда [6].

Информация передается и познается людьми в течение времени с привлечением материальных носителей. В связи с этим на практике широко применяется и понятие «данные» – сведения, нужные для конкретной цели, для какого-нибудь вывода, решения. Иногда понятия «информация», «данные» используются как синонимы, но все же принципиальные различия между ними имеются. До передачи сведения об объекте, как правило, формируются, кодируются (представляются в виде данных), причем так, чтобы затем их удалось декодировать, воспринять, использовать. По сути, информацию люди (в силу своих конечных психофизиологических возможностей, из-за ограниченности условий и времени восприятия) передают как данные конечного обозримого объема в зависимости от определенной цели, условий сбора, хранения, планируемого использования. Например, чтобы передать от одного человека другому собственно известное число «пи» как набор упорядоченных знаков (чисел), всей жизни конкретного человека заведомо не хватит. Но это, к счастью, и не нужно – достаточно передать алгоритм расчета или несколько «значащих» цифр числа, необходимых для определенного вида приложений этого числа на практике (в частности, для расчета с заданной точностью площади круга, длины окружности). В итоге передача информации, в общем случае потенциально не ограниченной, в зоне восприятия конкретного человека предусматривает оперирование конечными данными. И на практике сбор, передача, хранение информации (в форматах данных) связаны с особыми материальными процессами. В целом оперирование информацией (данными) связано с целенаправленным совершенствованием управляемых материальных процессов, возобновляемых в течение времени в похожих условиях. Вообще указанным образом обеспечивается передача, накопление, систематизация полезного опыта управления (его совершенствования) в предметных областях, например, в экономике [6].

При использовании информации (данных) для организации, совершенствования управления на практике оказался повсеместно востребованным комплексный подход, который предполагает оперирование понятием «система». Система – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. Система отличается от множества составляющих ее элементов тем, что ей присущи отсутствующие у взятых по отдельности элементов новые свойства, проявляющиеся для всех элементов в совокупности. В частности, работающие в цехе завода профессионалы производят новую продукцию, которую каждый из них по отдельности произвести не сможет, и в то же время увольнение уникального работника специфического профиля означает прекращение выпуска продукции цеха в целом. Управляемость, иерархичность и другие важные качества оказались характерными для многих реальных сложных объектов. Термин «система» и системный подход в информатике оказались востребованными вследствие изменчивости и неограниченной познаваемости окружающего мира, потребности углубления познания с целью совершенствования управления на практике в конкретных предметных областях (при наличии «непосредственно управляемых показателей», при возобновляемых похожих условиях осуществления управления) [9].

Особый интерес в связи с комплексным подходом к использованию информации (данных) изначально проявлялся применительно к технологиям как способам производства. «Проецирование» понятия «производственная технология» на информационные процессы привело к возникновению так называемых информационных технологий (ИТ) – совокупности знаний о совершенствовании управления производством посредством автоматизации. А в дальнейшем это понятие стало использоваться шире: применительно к автоматизации принятия управленческих решений вообще. В современных условиях распространено и понятие «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) как совокупность методов, производственных процессов, программно-технических и лингвистических средств, интегрируемых с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей [1]. ИКТ в экономике – это средства, определяющие процесс использования данных для снижения трудоемкости, повышения надежности, оперативности при продуцировании новых управленческих решений. С одной стороны,

ИКТ – совокупность методов, производственных, программно-технологических средств, объединенных в цепочку сбора, хранения, обработки, распространения данных для определенных целей. С другой стороны, ИКТ – это и комплекс мер, обеспечивающих все указанное выше.

В связи с использованием ИТ возникло понятие «информационная система» (ИС). Сегодня ИС – это компьютерная система, включающая вычислительное и коммуникационное оборудование, программное обеспечение, данные и метаданные, лингвистические средства, а также системный персонал и обеспечивающая поддержку информационной модели некоторой части реального мира для удовлетворения информационных потребностей пользователей [1]. ИС предназначена для хранения, поиска и обработки информации, а также представляет собой соответствующие организационные ресурсы (человеческие, технические, финансовые и т. д.), которые обеспечивают и распространяют информацию. ИС нужна для своевременного снабжения руководителей надлежащей информацией с целью удовлетворения конкретных информационных потребностей в определенной предметной области. При этом результатом функционирования ИС является важная информационная продукция – документы, информационные массивы, базы данных и информационные услуги.

С содержательной точки зрения ИС – это комплексный (системный) подход к применению информации на практике, обеспечивающий и повышение производительности труда, и снижение вероятности ошибок в процессе принятия управленческих решений. ИС обеспечивает реализацию ИТ в определенной предметной (профессиональной) сфере. Скорость обработки данных, привнесенная техническими вычислительными устройствами, способствовала повсеместному распространению ИС. И в настоящий момент уже принято доверять не выполняемым вручную громоздким численным расчетам, а проверенному временем их осуществляемому стандартизованному программному обеспечению, апробированному на многих предприятиях для решения аналогичных актуальных управленческих задач (типového предметно-ориентированного формата). В современных условиях термин «ИС» целесообразно дополнять такими логическими характеристиками, как аппаратно-программное (программно-технологическое) обеспечение для реализации качественно нового уровня управленческих приложений. По техническому содержанию ИС в экономике – это и применение «данных»,

и «алгоритмов обработки этих данных» в форме систем управления базами данных (СУБД), причем с расширением наукоемких приложений математических моделей и методов для прогнозирования по накапливаемым данным и поиска оптимальных управленческих решений в соответствии с прогнозами. Особенно на практике возрастает интерес именно к узкопредметным приложениям, поддержке принятия соответствующих управленческих решений ближе к практике определенного рода. В целом в настоящее время ИС – это система, элементами которой являются и данные, преобразуемые в процессе ее функционирования, и методики обработки, систематизации данных, приложения их на практике для совершенствования условий управления, осуществляемого людьми в той или иной предметной сфере. Например, планирование и управление предприятием – это ИС. В целом управление экономикой страны – тоже ИС, но больших размеров. ИС в экономике – это система сбора, хранения, накопления, поиска и передачи данных, применяемых в процессе управления, планирования и обеспечивающих высокую конкурентоспособность. ИС выступает средством интегрированной обработки данных современной корпорации, фирмы, более гибко отражает потенциальную изменчивость структуры данных, алгоритмов обработки этих данных адекватно трансформирующимся в течение времени целям и условиям.

С формальных позиций уместна детализация общей концепции организации экономического управления, которая может быть востребована как обособленно, так и в контексте соответствующей обработки данных: и предметной (экономической), и математической. Это может оказаться практически полезным, например, при типичном для современных условий взаимодействии руководителя с экспертами разных областей знаний. В качестве управленческих компетенций актуален учет реалий и перспектив развития современных информационных систем в экономике. Необходимо понимание актуальности электронного отслеживания текущих итогов в разрезах статей (номенклатура, поставщик, склад, партия и др.), причем по разным ресурсным составляющим, которые, в свою очередь, могут быть связаны с итоговыми экономическими характеристиками: выручкой, издержками, прибылью, рентабельностью. Наконец, необходимо понимание нужности регулярных инвентаризаций при устранении дисбаланса между электронным и фактическим учетом, важности контроля

«оборотов» для адекватного прогнозирования на следующий период при обоснованно предполагаемых неизменных общих условиях.

Далее акцентируем внимание на понятии «информационная модель» (предполагая дальнейшую детализацию по предметным экономическим составляющим с возможностью приложений и математического моделирования, хотя бы фрагментарно). Действительно, в экономике более приемлемым считается накапливать нужные для совершенствования управления данные и осуществлять численные эксперименты на воспроизведенной электронной копии взаимосвязи рынка и окружающей рыночной среды с соответствующим финансово-экономическим анализом. И лишь после этого внедрять наиболее предпочтительное управленческое решение на практике, в надежде получить в целом увеличение экономической эффективности, преимущества перед конкурентами, в принципе не делающими подобного.

Наконец, в настоящее время в рамках современной экономики свободная рыночная конкуренция заставляет квалифицированно, в динамике времени, регулировать имеющиеся ресурсы, цены, управлять ими адекватно развивающимся событиям на предприятии, воздействовать на окружающую рыночную среду согласно данным детализированного оперативного учета и формально обоснованному возобновляемому математическому моделированию по этим данным [5]. Все, что указано выше, имеет отношение к возможному приложению уже давно применяемых в международной практической экономике специализированных методов математического программирования и распознавания образов, например, при максимизации опосредованно управляемого в будущих периодах показателя «прибыль» [2]. Этот оптимизируемый показатель интересен, в частности, в связи с планированием взятия, возврата кредита (расчета его величины), причем в соответствии с отслеживанием, алгоритмическим (информационным) воспроизведением и учетом объективно существующих технологических связей между сотрудниками, группами сотрудников организации, производительностью их труда обособленно и в совокупности [4].

Итак, уместно заметить следующее. Социально-экономическая картина мира несколько столетий (тысячелетий) назад предусматривала оперирование лишь некоторыми характеристиками. В современных условиях свободная рыночная конкуренция, государственная (региональная, му-

ниципальная) политика порождают потребность применять новые методы управления ценами, ресурсами, привлекаемыми и предоставляемыми инвестициями. В частности, такие методы управления должны основываться на применении накопленных данных адекватно развиваемому оперативному учету. При этом в течение времени предполагается рост количества используемых «измерений» (содержательно классифицируемых характеристик), «ресурсов» (сопоставимых с эталонами измерения количественных показателей). Например, широко распространенная в России современная платформа «1С: Предприятие 8» с типовыми конфигурациями (обновляемыми в связи с изменениями законодательства и возникающими на практике потребностями) предусматривает совершенствование согласно техническим новшествам, внесение дополнений и реализацию вообще новых проектов при автоматизации учета и управления. Тем самым определяются новые, развиваются существующие атрибуты, методы социально-экономического управленческого анализа [3].

Со всеми вышеотмеченными методами (навыками применения информационных технологий вообще и в своей предметной области в частности) студент-магистрант как будущий молодой специалист и руководитель должен знакомиться в процессе обучения в вузе, изучая такие дисциплины, как, например, «Информационные системы и технологии», «Системы поддержки принятия решений», которые отражают интеграцию университетской науки и сферы труда.

Таким образом, в статье рассмотрены важные методы, понятия, без знания которых немислим молодой руководитель. Так, улучшение экономического управления сегодня означает всестороннее применение информационных систем как совокупности программного обеспечения, сопровождающего настройки дополнительного обучения персонала и др. Особо акцентировано внимание на информационно-коммуникационных технологиях как средстве повышения конкурентоспособности выпускников высших учебных заведений. Информационные системы рассмотрены и как средство повышения производительности труда, снижения вероятности ошибок управления, и как современная среда приложений аппаратно-программного обеспечения, которое формально воспринимается в качестве накапливаемых данных и алгоритмов их обработки. В целом показано, что новое информационное общество нуждается в новой, информа-

ционной, экономике. Использование формальных методов накопления, систематизации опыта управленческих решений (от существующих уже столетиями до стимулируемых конкуренцией новых приемов, подходов) выступает ключевым ресурсом совершенствования управленческой деятельности молодого руководителя.

Список литературы

1. *Глоссарий* по информационному обществу [Электронный ресурс] / под ред. Ю. Е. Хохлова. Режим доступа: <http://www.iis.ru/docs/is.glossary.2009.pdf>.

2. *Мазуров Вл. Д.* Математическая экономика / Вл. Д. Мазуров, Е. А. Трофимова, А. Л. Попов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. 166 с.

3. *Попов А. Л.* «1С: Предприятие 8» и формирование современной социально-экономической картины мира [Электронный ресурс] / А. Л. Попов. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/51025369.pdf>.

4. *Попов А. Л.* Автоматизация учета и приложения методов математического программирования, распознавания образов в экономике / А. Л. Попов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 3 (32). С. 4–11.

5. *Попов А. Л.* О связи экономики, математики и информатики в современных условиях / А. Л. Попов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 4 (25). С. 78–80.

6. *Попов А. Л.* Системы поддержки принятия решений [Электронный ресурс] / А. Л. Попов. Режим доступа: http://www.elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1676/6/1335843_schoolbook.pdf.

7. *Попова Е. В.* Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: монография / Е. В. Попова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 122 с.

8. *Попова Н. В.* Стиль и методы принятия решений руководителем детского дошкольного образовательного учреждения: результаты исследования / Н. В. Попова // Социология образования. 2016. № 8. С. 4–17.

9. *Предметно-ориентированные информационные системы контроля* / А. Л. Попов [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. 248 с.

10. *Труд и образование на пути к креативному обществу: коллективная монография* / С. З. Гончаров [и др.]; под ред. С. З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 445 с.

Н. В. Попова

N. V. Popova

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург*

*The Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg*

**РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВАХ
И НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ**

**THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN THE WORKFORCE
AND AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISES: VALUE ASPECT**

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы реализации молодежной политики в производственных коллективах и на промышленных предприятиях Свердловской области. Автор рассматривает взаимосвязь основных направлений работы с молодежью с ценностными и духовно-нравственными основаниями реализации молодежной политики на предприятиях.*

***Abstract.** The article is devoted to the implementation of youth policy in the workforce and at the industrial enterprises of the Sverdlovsk region. The author examines the relationship between the main directions of work with young people with values and moral bases of realization of youth policy in enterprises.*

***Ключевые слова:** молодежь, молодежная политика, коллектив, предприятие, ценности.*

***Keywords:** youth, youth policy, team, venture, values.*

Молодежь – это кадровый, инновационный и стратегический ресурс, в который сегодня необходимо вкладывать силы и средства, обеспечивая тем самым успехи будущего. Все страны признают необходимость и важность работы с молодежью, общая цель которой – содействие бесконфликтной интеграции молодых людей в общество [8]. С 90-х гг. прошлого века максимальное усиление роли молодежи в формировании общества стало наиболее широко заявленной целью молодежной политики. Руководящие принципы секторальной молодежной политики сформулированы в Европейской Хартии об участии молодежи в общественной жизни, среди которых содействие обеспечению занятости среди молодежи, профилактические меры в социальной среде. Совет Европы проводит политику активного участия молодежи

в построении ее собственного будущего, способствует осуществлению принципов и практики социальной сплоченности в молодежной среде.

В России молодежная политика осуществляется в соответствии с Основами государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 г. (приняты в 2014 г.) [5]. Концепция поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 г. (принята в 2011 г.) является основополагающим документом для промышленных предприятий по реализации молодежной политики [3].

Необходимо отметить возрождение исследований в области осуществления молодежной политики на Урале. Последнее обусловлено Законом «О молодежи в Свердловской области». В 2014 г. возрождена практика подготовки доклада правительства о положении молодежи в Свердловской области, что предполагает *проведение анализа статистической и социологической информации и выявление особенностей развития молодежной среды*. Исследование, направленное на изучение объективных показателей эффективности реализации молодежных программ на предприятиях, проведено нами в рамках заказа Министерства физической культуры и спорта Свердловской области кафедре «Организация работы с молодежью» УрФУ и представлено в коллективной монографии [6]. В исследовании приняли участие следующие предприятия: 1) ООО «ВИЗ-Сталь»; 2) ОАО «Завод № 9»; 3) ОАО «Металлургический завод им. А. К. Серова»; 4) ОАО «Нижнесергинский метизно-металлургический завод»; 5) ФКП «Нижнетагильский институт испытания металлов»; 6) АО «Опытное конструкторское бюро «Новатор»; 7) ОАО «Серовский завод ферросплавов»; 8) ОАО «Облкоммунэнерго»; 9) ЗАО «Кушвинский завод прокатных валков» (ЗАО «КЗПВ»); 10) ОАО «Завод радиоаппаратуры»; 11) Рефтинский филиал ОАО «Дитсманн»; 12) ОАО «СинТЗ»; 13) АО «Уральское производственное предприятие «Вектор»; 14) ОАО «УКЗ»; 15) ФГУП «Уральский электромеханический завод»; 16) ООО «Уральские локомотивы»; 17) ОАО «Серовский механический завод»; 18) ОАО «Вента»; 19) ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод».

Наиболее успешно реализуют молодежную политику ООО «Уральские локомотивы», ОАО «СинТЗ», ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», ОАО «Серовский завод ферросплавов».

При анализе результатов исследования мы опирались на воззрения отечественных ученых, прежде всего на труды С. З. Гончарова, оказавшего на нас наибольшее влияние при рассмотрении проблем реализации моло-

дежной политики на современном промышленном предприятии, ее лично-стно развивающих (духовно-нравственных и ценностных) основ [1, 2, 4].

Актуальность вопросов реализации молодежной политики в производственных коллективах и на промышленных предприятиях объясняется следующими факторами:

1. Особенности современной социально-экономической реальности требуют от предприятия активного поиска новых резервов для решения задач успешного конкурентоспособного производства. В первую очередь ставка делается на человеческий капитал – на субъектные качества лиц и коллективов, мотивацию работников, связанную с внедрением инноваций в сфере производства и управления, духовную солидарность молодежи предприятия в качестве инструмента социального сплочения, нацеленного на решение общих задач.

2. Существует противоречие между потребностью предприятия в высококвалифицированных кадрах и слабо выраженной государственной молодежной политикой на промышленных предприятиях, а также недостаточным теоретическим и финансовым обеспечением этой политики.

3. Недостаточна теоретическая разработка лично-стно развивающих основ молодежной политики. На промышленные предприятия сегодня приходят молодые люди, сознательный период социализации которых совпал с периодом развития рыночных отношений в России и рыночной (индивидуализированной) психологии. Новое поколение не только получило новый опыт образования и профессиональной подготовки, но и начинает свою трудовую деятельность в обстановке острой кадровой конкуренции.

4. Современный этап общественного развития характеризуется существенным ростом активности молодежных организаций на промышленных предприятиях, но наблюдается следующее противоречие: с одной стороны, имеется необходимость в создании новых заводских молодежных организаций, с другой стороны, отсутствует преимущество молодежной идеологии, инициативности, самостоятельности и самоуправления. Утеряна общая идея как основа молодежной политики, реализуемой на промышленном предприятии [7].

5. Результаты анализа статистических данных 19 предприятий Свердловской области показали, что молодежная политика на промышленных предприятиях проводится недостаточно эффективно. Так, доля молодежи в численности персонала промышленных предприятий в 2014 г. составляла 20,46 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно 22,8 % и 20,98 %), доля молодежи при приеме на работу – 43,41 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно

45,62 % и 42,63 %). И вместе с тем в 2014 г. текучесть кадров среди молодых работников на предприятиях составляла 15,90 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно 8,23 % и 15,34 %), повышение квалификационного уровня – 27,98 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно 40,45 % и 26,60 %), карьерный рост молодых работников – 8,90 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно 17,70 % и 18,08 %), творческая активность молодых работников в профессиональной и научно-технической деятельности – 11,58 % (в 2012 г. и 2013 г. соответственно 12,0 % и 19,9 %). Данные показатели свидетельствуют о наличии проблемы на промышленном предприятии при работе с молодежью и необходимости учета социально-демографических и мотивационных особенностей данной категории работников, чему и должна служить молодежная политика на промышленном предприятии.

Молодежная политика на предприятии и в организации (политика в отношении работающей молодежи) – система управления, подходов, последовательных действий, направленных на поддержку работающей молодежи в профессиональном саморазвитии и решении социальных проблем [3].

Основная цель молодежной политики на предприятиях – «закрепить» молодежь на предприятии и уменьшить стартовые издержки на прием и адаптацию вновь принятых рабочих.

Молодежная политика на промышленных предприятиях призвана решать следующие задачи: создание правовых, социально-экономических условий для реализации молодыми работниками своего профессионального потенциала, социального становления, самореализации и участия в общественной и профессиональной деятельности; профессиональное воспитание и образование, адаптация работающей молодежи на производстве, создание условий для полноценной профессиональной самореализации; обеспечение карьерного роста молодых работников, способствующего повышению их социально-имущественного статуса, решение жилищных проблем; реализация общественно значимых инициатив, общественно полезной деятельности молодежи, молодежных организаций; реализация инновационного потенциала молодежи; создание условий для более полного включения работающей молодежи в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь общества, в том числе с помощью современных информационных технологий; расширение возможностей молодого человека в выборе своего профессионального пути; содействие культурному, духовному и физическому развитию молодежи.

По результатам анализа показателей работы с молодежью на предприятиях и в организациях Свердловской области приоритетными направ-

лениями молодежной политики являются физкультурно-оздоровительная, спортивная и туристическая деятельность, профессиональное развитие молодежи, в том числе проведение конкурсов профессионального мастерства, культурно-массовая и досуговая работа (табл. 1).

Таблица 1

Приоритетные направления молодежной политики на предприятиях
Свердловской области

Ранг	Направление	Номер завода (нумерация соответствует вышеуказанной)
1	Физкультурно-оздоровительная, спортивная и туристическая деятельность	12, 2, 3, 5, 7, 10, 11, 13, 15, 16, 19
2	Профессиональное развитие молодежи, в том числе проведение конкурсов профмастерства и повышение квалификации	12, 3, 1, 2, 4, 9, 10, 11, 13, 15
3	Культурно-массовая, досуговая работа	12, 2, 3, 5, 11, 13, 15, 16, 19
4	Адаптация вновь принятых рабочих	12, 9, 10, 13, 15
5	Развитие научно-технического творчества молодежи	12, 5, 11, 16
6,5	Профориентационная работа, в том числе взаимодействие с подшефными школами	12, 5, 7, 10
6,5	Патриотическое, общественно-политическое, в том числе участие в городских акциях	3, 5, 7, 16, 19
8,3	Благотворительная деятельность	12, 5, 10
8,3	Творческое	2, 5, 15
8,3	Социальное, социальное партнерство	3, 5, 13, 19
11,25	Производственное	3, 19
11,25	Информационное	2, 3
11,25	Взаимодействие с Советом ветеранов	7, 12
11,25	Привлечение и «закрепление» рабочих	12, 9
15,25	Экологическое	3
15,25	Волонтерство	5
15,25	Организация трудовой деятельности молодежи	11
15,25	Инновационное	19

На наш взгляд, указанный ранжированный ряд приоритетных направлений работы с молодежью можно объяснить заинтересованностью руководства в формировании у молодежи тех ценностей, которые отвечают корпоративной культуре предприятий. Вопросы восприятия корпоративной культуры и ценнос-

тей предприятия особенно актуальны в период омоложения коллективов предприятий, реализации их кадровой политики и решения проблемы поколений.

Для работы с молодежью на предприятиях создаются молодежные общественные организации, активы молодежи предприятий, советы предприятий по работе с молодежью, советы молодых специалистов, советы молодежи предприятий, молодежные комиссии при профсоюзных комитетах. Среди вышеуказанных организационных форм преобладают последние две. В штатных расписаниях предприятий практически везде отсутствуют специалисты по работе с молодежью, которые могли бы профессионально решать специфические молодежные проблемы (табл. 2).

Таблица 2

Проблемы реализации молодежной политики на предприятиях
(по результатам опроса)

Ранг	Проблема	Балл
1	Отсутствие федерального закона о молодежи	4,07
2	Отсутствие молодежной программы на предприятии	4,79
3	Отсутствие молодежных лидеров на предприятии, способных возглавить работу с молодежью	4,86
4	Недостаточное финансирование	4,92
5	Отсутствие в штатном расписании предприятия специалистов по работе с молодежью	5,00
6	Отсутствие рычагов «закрепления» молодежи на предприятии	5,14
7	Незаинтересованность опытных работников в передаче своего жизненного и профессионального опыта молодым работникам	5,29
8	Отсутствие нормативно-документационного обеспечения реализации молодежной программы на предприятии	6,35
9	Недостаточная квалификация специалистов и руководителей в сфере работы с молодежью на предприятии	6,42
10	Незаинтересованность администрации в реализации молодежных программ на предприятии	7,23

Примечание. В табл. 2 ранг 1 присваивается наиболее значимой проблеме, 10 – наименее значимой.

Реализация молодежной политики на промышленных предприятиях Свердловской области осложняется из-за отсутствия скоординированности государственной молодежной политики (ГМП) с другими сферами государственной политики (социальной, кадровой и др.), преобладания в реализации государственной молодежной политики «мероприятийного» подхода, недостаточного уровня кадрового и финансового обеспечения молодежной политики,

отсутствия на федеральном уровне и в Свердловской области, как в большинстве субъектов Российской Федерации, системы диагностики и комплексного социального мониторинга состояния молодежной сферы, недостаточной разработанности нормативной базы, отсутствия механизма привлечения молодежи к формированию и реализации ГМП, а также отсутствия закона о молодежи, нормативного акта, определяющего положение, права, роль и статус в России работающей молодежи, в том числе на промышленном предприятии.

С целью *усиления социальной защищенности молодых работников* на предприятиях практикуют следующие мероприятия: внесение соответствующего раздела в коллективный договор, создание комиссии по работе с молодежью, квотирование рабочих мест для лиц, окончивших общеобразовательные и профессиональные образовательные учреждения начального, среднего и высшего уровней, а также для возвращающихся в организацию после прохождения военной службы по призыву, оказание материальной помощи гражданам, уволенным после прохождения военной службы по призыву и принятым на прежнее место работы, выплата единовременного пособия при приеме на работу детей-сирот, ранее нигде не работавших, предоставление оплачиваемых в установленном порядке учебных отпусков, а также других льгот, предусмотренных коллективным договором, обучающимся без отрыва от производства.

На наш взгляд, ценностный аспект молодежной политики на предприятии непосредственно связан с ее духовно-нравственными основаниями, поскольку: 1) идеологические и политические лозунги, обращенные к работающей молодежи, ей малопонятны и недействительны, а нравственное содержание общего дела доступно каждому; 2) нравственные чувства возносят сознание молодых людей до всеобщего уровня коллективного дела; 3) осознание своего личного достоинства и достоинства других неизбежно ведет к ответственности за профессиональное дело; 4) уважение к достоинству и чести молодых людей на производстве сразу же получает с их стороны соответствующий отклик; 5) молодежным объединениям на предприятии обязательно нужна высокая идея. Такая идея, овладевая молодежью, становится, социальной силой. Рождается воодушевление, энтузиазм, творческое горение этой идеей и вне предприятия; 6) рост нравственности в самосознании и в реальных отношениях на предприятии оборачивается самым положительным образом – экономическим эффектом, резким снижением уровня прогулов и нарушений, текучести кадров среди рабочей молодежи и количества девиантных отклонений на производстве и вне его.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Основным источником указанных нами негативных явлений в молодежной среде и молодежной политике является базисное противоречие между рыночной экономикой и социальной сферой. Подмена целей общественного производства его средствами, резкий перекоп в сторону примата рыночной экономики с ее единственным индикатором успешности в форме денег деформировали становление молодого поколения как в сфере производства жизненных средств, так и в воспроизводстве собственных духовных и телесных сил, разбалансировали согласованность профессионального и социокультурного становления и развития молодежи. Осуществляемая на современном промышленном предприятии молодежная политика должна содержать в себе личностно-развивающую, духовно-нравственную основу. Молодежным объединениям на предприятии обязательно нужна высокая цель, высокая идея, увлекающая не только креативом, но и благородством, справедливостью, честностью. Воспитанию именно таких качеств у молодых работников и должны способствовать молодежные программы на предприятиях.

Список литературы

1. *Гончаров С. З.* Концепция субъектности в аспектах креативности и инновационного стиля жизни / С. З. Гончаров // Духовно-ценностные основы воспитания личности в системе непрерывного профессионального образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 21–22 янв. 2010 г.: в 3 частях. Ч. 1: Ценностные и социокультурные основы субъектности личности / под ред. Г. С. Голошумовой. Екатеринбург, 2010. С. 74–109.

2. *Гончаров С. З.* Ценностная основа духовно-нравственной экономики / С. З. Гончаров // Русский экономический вестник / под ред А. М. Миняйло. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. С. 28–46.

3. *Концепция* поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://molodegasbest.ucoz.ru/docum/koncepcia.doc>.

4. *Нравственность* – первооснова человеческой общности и исток креативных практик / С. З. Гончаров [и др.] // Русская философия как духовно-ценностная основа воспитания личности: материалы 7-й Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–19 нояб. 2010 г. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. С. 235–263.

5. *Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.

6. *Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области* / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2015. 350 с.

7. *Попова Н. В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии: диссертация ... кандидата философских наук. Екатеринбург, 2012. 195 с.

8. *Kapsamit A. M.* International experience in the implementation of youth policy / A. M. Kapsamit, Z. Zh. Nurbekova // KazNU BULLETIN. Psychology and sociology series – «Kazakh University». Almaty, 2015. № 1 (52). P. 240–246.

УДК [377.112:371.13]:37.014.15

Н. В. Ронжина

N. V. Ronzhina

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ
СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

**THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF FORMING
PROFESSIONAL THINKING OF STUDENTS OF THE
PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

Аннотация. Рассматриваются условия и особенности формирования профессионального мышления студентов, обучающихся в системе профессионально-педагогического образования.

Abstract. The article describes the conditions and features of formation of professional thinking of students in vocational teacher education.

Ключевые слова: профессиональное мышление, профессионально-педагогическое образование.

Keywords: professional thinking, professional and pedagogical education.

Неоднократно в своих исследованиях мы указывали на то, что профессиональное образование в настоящий период в большей степени носит эмпирический характер, а его теоретическое обоснование в лице профессиональной педагогики достаточно сильно отстает. Раскрывая важнейшую функцию профессиональной педагогики – прогностическую, мы отмечали, что, с одной стороны, профессиональное образование напрямую связано с экономическими запросами государства, а с другой – с формированием нового типа профессионального мышления будущего специалиста. Особенно это важно для выпускника профессионально-педагогических образовательных организаций, поскольку от того, насколько профессионально, психологически и методически подготовлен выпускник, будет зависеть, как он будет обучать студентов в организациях системы среднего профессионального образования, каким будет мастером производственного обучения. Тем самым обнаруживается главная проблема – соотношение теоретических и практических аспектов развития профессионального мышления педагога профессионального образования.

Говоря о противоречивости развития процесса формирования профессионального мышления будущего специалиста, следует обратить внимание на то, что недостаточный уровень подготовки обучающихся, преобладание у них репродуктивного мышления тормозят данный процесс, также можно отметить недостаточную готовность ряда преподавателей к реализации подобной деятельности. Данное обстоятельство обусловлено как причинами объективного характера, так и слабой разработанностью теоретических основ профессиональной педагогики (принципов, содержания, форм, методов и педагогических условий формирования креативности педагога профессионального образования).

Проблема формирования профессионального мышления рассматривалась в ряде научных исследований А. А. Баталова, С. З. Гончарова, Н. Н. Манько, Д. И. Фельдштейна, В. Э. Штейнберга и др. Анализ представленной проблемы позволил выявить некоторые закономерности формирования профессионального мышления в истории развития общества: определенному этапу развития общества в целом и профессионального образования в частности соответствовал специфический тип профессионального мышления. Полагаем, что для доиндустриального общества был характерен ретрансляционный, практико-ориентированный тип профессионального мышления, для индустриального общества – также в основном репродуктивный, но с элементами вариативности, способности к некоторой перемене труда,

к вариативности производственных действий, совмещению ряда близких трудовых функций, универсальности и т. д.

Современный этап развития общества называют постиндустриальным, информационным. Для него характерен принципиально иной тип мышления – продуктивный, креативный; ему присущи такие черты, как междисциплинарность, системность, способность нетрадиционно решать проблемные задачи и др. – это лишь малый перечень требований сегодняшнего дня к профессиональному мышлению специалиста. Особый интерес и актуальность представляет процесс становления и развития профессионального мышления у обучающихся (будущих бакалавров, специалистов, магистров и др.) в организациях системы профессионального образования. А в качестве науки, исследующей данный процесс, будет выступать профессиональная педагогика как теоретико-методологическая основа профессионального образования. В. Э. Штейнберг отмечает в своих трудах, что образовательная отрасль в настоящее время вступила в сложный и противоречивый процесс реконструкции, характеризующийся тем, что «выпускники общей и профессиональной школы вынуждены адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям и обладать самостоятельностью; включаясь в высокотехнологичные производства, оперировать значительными объемами научной информации, критически мыслить и генерировать идеи» [7, с. 6].

В связи с этим помимо требования решать профессиональные задачи сегодня к общему интеллектуальному развитию специалиста предъявляются особые требования, в частности, к его способности охватить не только суть проблемы профессионального характера добавляются способности видеть оптимально-рациональные способы решения поставленных задач и способности к прогнозированию, что относится уже к ключевым компетенциям, т. е. таким компетенциям, которые необходимы в любой сфере деятельности специалиста. Современные ученые и работники сферы профессионального образования обращают внимание на то, что существующая система образования перестала отвечать требованиям современного общества в целом, экономики в частности, не успевает реагировать на запросы современности, что обуславливает необходимость реформирования профессионального образования. «Образование должно быть ориентировано не на трансляцию социокультурного опыта от поколения к поколению, а на образование как таковое – формирование человека, его самообразование, самоопределение, требующее креативных способностей – коммуникативных и организационных, а не только познавательных», – замечает Д. И. Фельдштейн [5, с. 79].

Сущность понятия «профессиональное мышление» обычно трактуется в научной литературе в двух смыслах. В первом значении оно используется, когда необходимо подчеркнуть высокий профессионально-квалификационный уровень специалиста, в данном случае следует говорить о «качественном» аспекте мышления.

Во втором значении данного понятия отражаются специфические особенности данного типа мышления, которые обусловлены характером профессиональной деятельности, т. е. акцент делается на предметном аспекте: выделяют инженерное мышление, педагогическое мышление, медицинское мышление, военное мышление и др.

Разработка и анализ проблем психологических механизмов, обеспечивающих субъектам учебного процесса усвоение полного объема изучаемого материала и успешное его использование в будущей деятельности, детерминированы сложной полифункциональной информационной основой обучения в системе профессионального образования [4, с. 244]. Наряду со способностью выполнения собственно профессиональных задач у будущего специалиста должна быть сформирована способность видения оптимальных способов решения проблем, практических задач, прогнозирования и т. д.

Одной из работ в данной области стало диссертационное исследование А. А. Баталова, который выявил специфику профессионального мышления в той или иной сфере труда и представил анализ инженерно-технического, художественного мышления, уделил пристальное внимание анализу мышления в научно-исследовательской деятельности, выявил специфику экономического мышления хозяйственных руководителей.

Научные изыскания коллектива лаборатории дидактического дизайна Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы привели к осмыслению проблемы логико-смыслового структурирования информации и далее к бинарному (двухкомпонентному) *логико-смысловому моделированию*. «Метод логико-смыслового моделирования заключается в выделении значимых – смысловых элементов информации в виде ключевых слов и экспликации (выявлении) связей между ними, то есть в представлении информации в виде *семантически связанной сети* по критерию смысловой близости между элементами информации» [8, с. 103]. Анализ результатов этих исследований позволяет выявить важную научную идею бинарности профессионального мышления, т. е. наличие общего (инвариантного) уровня мышления, связанного с формированием ключе-

вых компетенций обучающихся в системе профессионального образования. А на базе инвариантного уровня происходит формирование вариативного уровня, т. е. отраслевого профессионального мышления (инженерного, медицинского, педагогического, спортивного, военного и др.).

Экстраполируя данные идеи авторов вышеуказанного подхода на процесс формирования профессионального мышления как обучающихся, так и научно-педагогических кадров системы профессионального образования, следует отметить, что освоение метода логико-смыслового моделирования представляет собой важный элемент названного процесса. Он позволяет выйти на качественно новый уровень усвоения и переработки информации в современном мире, помогая реализовать компетентно-деятельностный подход в образовании. Этот метод особенно необходим в системе профессионально-педагогического образования, поскольку именно от подготовки будущих педагогов профессионального обучения зависит, каких профессионалов они будут готовить в организациях системы профессионального образования.

Таким образом, эти предпосылки позволяют сделать важное заключение: *профессиональное мышление как явление представлено на двух уровнях и носит бинарный характер*. Отсюда можно сделать предположение, что процесс формирования профессионального мышления будущего специалиста также должен носить бинарный характер. Это значит, что на первом этапе (в рамках общего, а затем и профессионального образования) необходимо сформировать общекультурные, ключевые компетенции, а затем на их базе переходить к формированию собственно профессиональных компетенций (дисциплины цикла предметной подготовки специалиста, бакалавра и т. п.). Следует заметить, что и в рамках профессиональной дидактики с точки зрения содержательного наполнения ФГОС профессионального образования имеет уровневый характер – федеральный, региональный компонент и компонент образовательной организации. Эти предпосылки способствуют смене методических установок в преподавании профильных дисциплин в системе профессионального образования и приведению педагогической теории в соответствие практике.

В системе современного профессионального образования «формирование профессионально ориентированных, компетентных, предприимчивых, трудолюбивых квалифицированных рабочих и специалистов, умеющих быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям рыночной эко-

номики, перемене труда ... возможно только в условиях обеспечения педагогических процессов преподавателями высокой квалификации с профессиональной культурой, человеческими достоинствами и социально-нравственными идеалами» [2, с. 62–63]. В данном высказывании А. П. Беляевой в концентрированном виде представлены требования к современному рабочему, специалисту, а также к преподавателям, осуществляющим их подготовку. В то же время подготовка специалиста в современной системе образования диктует требования к изменяющемуся профессиональному мышлению формирующейся личности, которое трансформируется в зависимости от состояния материального и духовного производства.

Наукой уже доказано, что формирование творческого мышления специалиста в процессе образования и самообразования всегда предшествует его продуктивной креативной деятельности. Общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения теоретических изысканий в области профессионального творчества (креативности), а также процессы моделирования, конструирования и проектирования позволяют по-новому осмыслить инновационно-креативную сущность самой профессии, технологию организации профессиональной деятельности педагога, выявить принципиально новое технологическое содержание профессионального образования, обеспечивая тем самым подготовку кадров иного уровня профессиональной компетентности. С. З. Гончаров акцентирует внимание на важной идее: производство людьми своей собственной жизни должно стать прикладной креативной культурной антропологией. Тогда «рыночная» экономика станет экономикой креативной. Креативная экономика соединяет в актах труда творческое созидание и вещей, и людей, образно выражаясь, и машиностроение, и человекостроение, и жизнестроение [3, с. 315]. В современном обществе необходимы личностно развивающие инвестиции в человека, в креативно-антропогенную сферу – образование, культуру, социальную инфраструктуру. Решающим на сегодняшний день является субъективный фактор – человеческий капитал; применительно к сфере образования – вузовские работники, способные к многопрофильной творческой деятельности.

В результате исследования профессионального мышления специалиста были выявлены черты этого мышления – *предметность*, т. е. в нем объективное содержание предмета развернуто в особенных формах деятельности на основе понимания *закономерностей* предметной области;

практико-функциональность, т. е. оно технологически необходимо для регулирования и сопровождения тех или иных предметных структур, процессов, общения и общественных отношений.

Специфика же профессионального педагогического мышления (мышления педагога) заключается в том, что сам его предмет – личность, коллектив учащихся, в отличие от предметов естествознания, обладает свободой воли, самоопределением, самодеятельностью, ценностно-смысловым вектором поведения. Поэтому мышлению педагога профессионального образования присущи не только логико-технологические, но и ценностно-смысловые компоненты. Уровень педагога профессионального образования должен превосходить когнитивный уровень обучающихся, чтобы педагог мог предлагать им такие траектории поведения, действия и общения, которые сами обучающиеся воспринимали бы добровольно, свободно и творчески.

Анализ профессионального мышления полезен для всей системы профессионального образования, так как дает представление об одном из важнейших на сегодня должных результатов педагогического процесса и освещает разные моменты движения к этому результату. Он полезен и для работы со специалистами в трудовых коллективах, поскольку выявляет закономерности формирования духовного мира профессионала [1, с. 6]. Особенно актуальным этот анализ становится в настоящее время в связи с переходом к информационному обществу. В современных условиях инновационное образование превращается в важнейший стратегический фактор, при помощи которого можно формировать новые качества «человеческого капитала», повышать его креативный потенциал – готовить новые интеллектуально продуктивные поколения. Сегодня становится ясным тот факт, что страны, уделяющие первостепенное внимание повышению интеллектуального потенциала своих «человеческих» ресурсов, подготовке их к инновационной деятельности, займут высшие ступени «общественной» лестницы [6, с. 2].

Таким образом, в статье представлен новый подход к пониманию и формированию профессионального мышления обучающихся (будущих специалистов) в современном обществе с помощью метода логико-смыслового моделирования, который ранее использовался в разработках по дидактике; показано, что формирование профессионального мышления обучающихся должно быть бинарным и осуществляться на инвариантном и вариативном уровне;

данный подход должен найти практическое применение в реализации образовательных стандартов профессионального образования.

Формирование креативного, инновационного профессионального мышления в системе профессионального образования выступает важнейшим фактором развития современного российского общества. Профессиональная педагогика как педагогическая наука акцентирует внимание на понятиях, разработка которых имеет важное методологическое значение для теории и практики образовательного процесса, одним из которых выступает профессиональное мышление.

Список литературы

1. *Баталов А. А.* Профессиональное мышление: философские проблемы: автореферат диссертации ... доктора философских наук / А. А. Баталов. Свердловск, 1986. 34 с.

2. *Беляева А. П.* Интегративная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования / А. П. Беляева. Санкт-Петербург: Изд-во Ин-та профтехобразования РАО, 2002. 240 с.

3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление: монография: в 3 частях / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. Ч. 3: Аксиология мышления. 609 с.

4. *Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие* / отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 544 с.

5. *Фельдштейн Д. И.* О состоянии диссертационных исследований / Д. И. Фельдштейн // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 5 (42). С. 76–89.

6. *Цедринский А. Д.* Инновационно-креативная подготовка педагога в динамике его профессионального становления: автореферат диссертации ... доктора педагогических наук / А. Д. Цедринский. Краснодар: Изд-во Славян.-на-Кубани гос. пед. ин-та, 2009. 32 с.

7. *Штейнберг В. Э.* Дидактическая многомерная технология – хроника разработки / В. Э. Штейнберг // Высшее образование России. Перспективы перемен и трудности реформ: материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции, 23 июня 2011 г. / Башк. гос. пед. ун-т им. Акмуллы. Уфа, 2011. С. 6–26.

8. *Штейнберг В. Э.* Технологические аспекты поисковых диссертационных исследований / В. Э. Штейнберг // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 5(42). С. 102–105.

Сведения об авторах

Ведерников Артем Андреевич, аспирант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (УрФУ), помощник заместителя Главы Невьянского городского округа по социальным вопросам, Невьянск, Свердловской области

Давыдов Остап Михайлович, ответственный секретарь, литературный редактор Централизованной православной религиозной организации «Челябинская епархия Русской православной церкви», Челябинск

Денисова Любовь Владиленовна, доктор философских наук, профессор, полковник полиции, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, Омск

Денисов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», Омск

Капшутарь Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, заведующая аспирантурой и докторантурой, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (РГППУ), Екатеринбург

Кислов Александр Геннадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры права РГППУ, Екатеринбург

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции РФ (РПА Минюста России)», Москва

Логиновских Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения (ФЛК) РГППУ, Екатеринбург

Остапенко Надежда Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры ФЛК РГППУ, Екатеринбург

Панкратова Лариса Эльмировна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы РГППУ, Екатеринбург

Попов Аркадий Леонидович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математической экономики УрФУ, Екатеринбург

Попова Елена Валентиновна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой ФЛК РГППУ, Екатеринбург

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью УрФУ, Екатеринбург

Ронжина Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор кафедры права РГППУ

Ситяева Любовь Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры ФЛК РГППУ, Екатеринбург